

ГЛАВА 6

РУССКИЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Средняя Азия находилась в стороне от основных маршрутов русских купцов, хотя отдельные торговые люди из русских земель должны были добираться до богатых среднеазиатских государств еще в домонгольскую эпоху. Однако в сколько-нибудь заметном количестве и на «постоянной основе» русские (восточные славяне) появляются в регионе только в середине – второй половине XIII в. И появляются в качестве рабов.

На это, в частности, указывают записи Платона Карпини, францисканского монаха, посланного в 1264 г. папой Иннокентием с дипломатической миссией к монголам. При описании Средней Азии Карпини неоднократно упоминает о пленных русских, используемых в качестве воинов и переводчиков. Есть упоминания о русских и у Гильома де Рубрука, посланника французского короля, путешествовавшего в этих местах десятилетием раньше.

Речь идет о населении, обращенном в рабство во времена походов Батыя и последующих монгольских набегов на Русь. География русских рабов в это время, учитывая разветвленную сеть торговых коммуникаций, могла быть очень широкой, включая и Среднюю Азию. Очевидно, что русские пленники должны были регулярно оказываться в регионе и в следующие столетия. Количество их коррелировало с интенсивностью золотоордынской набеговой практики. Учитывая ее масштабы, в пределах данного обширного региона в отдельные периоды могли находиться многие сотни (тысячи?) уроженцев Руси. Однако сам характер их попадания не позволял складываться в Средней Азии устойчивым русским общинам. Даже если разрозненные русские пленники обзаводились семьями, их потомство полностью утрачивало «русскость» уже через одно-два поколения.

Итак, не только в XIII в., но и сотни лет спустя, уже в XVI–XVIII вв., основной причиной появления русских в регионе оставалась работоторговля. Пленники захватывались в обширном русско-кочевом пограничье, протянувшемся от степного Предкавказья до Семиречья. В 1670 г., согласно данным, собранным русскими посланниками (Иваном и Семеном Пазухиными), во владении среднеазиатских правителей находилось порядка 300 русских невольников (150 приходилось на долю бухарского хана, 100 и 50 человек соответственно имелись у правителей Балха и Хивы). Русскими рабами владели и частные лица. Общее число этих невольников осталось невыясненным, но также могло быть достаточно значительным¹. Таким образом, в Средней Азии в это время находились многие сотни русских людей. Не меньшим было их количество и в следующем столетии.

На серьезный масштаб подобного русского присутствия в регионе указывает тот факт, что в 1728 г. именно русские пленные возглавили восстание персидских и других рабов против хивинского хана Ширгази. А спустя столетие дипломатическая миссия А.Ф. Негри, посетившая Бухару в 1820 г., насчитала в данном центре более 500 русских². Однако русские могли попадать в Среднюю Азию в XVI–XVIII вв. не только в качестве рабов, но и как дипломаты, а также купцы и путешественники, иногда совмещавшие торговлю с дипломатическими обязанностями.

Среди них Иван Хохлов, отправленный в Бухару в 1620 г.; Иван Федотов и братья Семён и Борис Пазухины, посетившие в 1669 г. соответственно Хиву и Бухару; Василий Даудов, побывавший в Бухаре в 1675 г. В 1713–1714 гг. состоялись две экспедиции: Ивана Бухгольца в Малую Бухарию и Александра Бековича-Черкасского в Хиву. В 1718 г. в Бухару отправлен Флорио Беневини, вернувшийся в Россию в 1725 г.

В число основных целей данных сношений практически всегда входил выкуп русских невольников. Упомянутому И. Хохлову удалось освободить и вывезти из Средней Азии 46 полонян. Поездка И. Федотова в этом отношении была менее результативной – 12 освобожденных. Более 30 рабов вывезли с собой братья Пазухины. Самым удачливым оказался В. Даудов, с которым в Россию вернулось более 50 бывших невольников³.

¹ Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие // Труды общества русских ориенталистов. № 2. Петроград, 1915. URL: http://drevlit.ru/docs/central_asia/XVI/1540-1560/Snos_ross_chiva_buchara/text1.php

² Этнический атлас Узбекистана. М., 2002. С. 189.

³ Сношения России с Бухарой и Хивой ...

В первой половине XIX в., по мере расширения империи и включения в нее обширных земель трех казахских жузов, границы России вплотную придвинулись к Средней Азии. Данное обстоятельство создавало определенные предпосылки и для расширения русского этнического присутствия в регионе. Но едва ли количество русских в нем в эти десятилетия возросло. Слишком велики были природные особенности; конфессиональная и социокультурная специфика местных государств, располагавших многочисленным населением, плотно заселявшим все территории, пригодные для жизни и хозяйственной деятельности.

6.1

ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД

Только включение данного региона в государственный состав России могло стать отправной точкой в организации русского переселенческого потока, масштабы и география которого зависели от множества факторов. Поступательный количественный рост русского населения в Средней Азии начинается в последней четверти XIX в. Ко времени первой всеобщей переписи населения 1897 г. регион находился в составе империи около двух десятилетий – совсем короткий срок для заметных колонизационных успехов (особенно учитывая масштаб отличий Средней Азии от великорусского ядра империи).

Согласно переписи, в регионе находилось уже более 80 тыс. русских, которые преимущественно концентрировались в городах – именно здесь формировались и функционировали имперские управленческие структуры, стояли гарнизоны, возникали производства, требовавшие квалифицированных рабочих (рис. 6.1). Тяготело к городским центрам и приезжее ремесленное население. Впрочем, практически с первых лет нахождения региона в составе империи началось и крестьянское переселенческое движение, хотя масштабы его оставались достаточно скромными в силу разных причин, в том числе вследствие противоречивой политики имперского центра и региональных властей, зачастую очень по-разному оценивавших роль переселенцев в развитии Средней Азии.

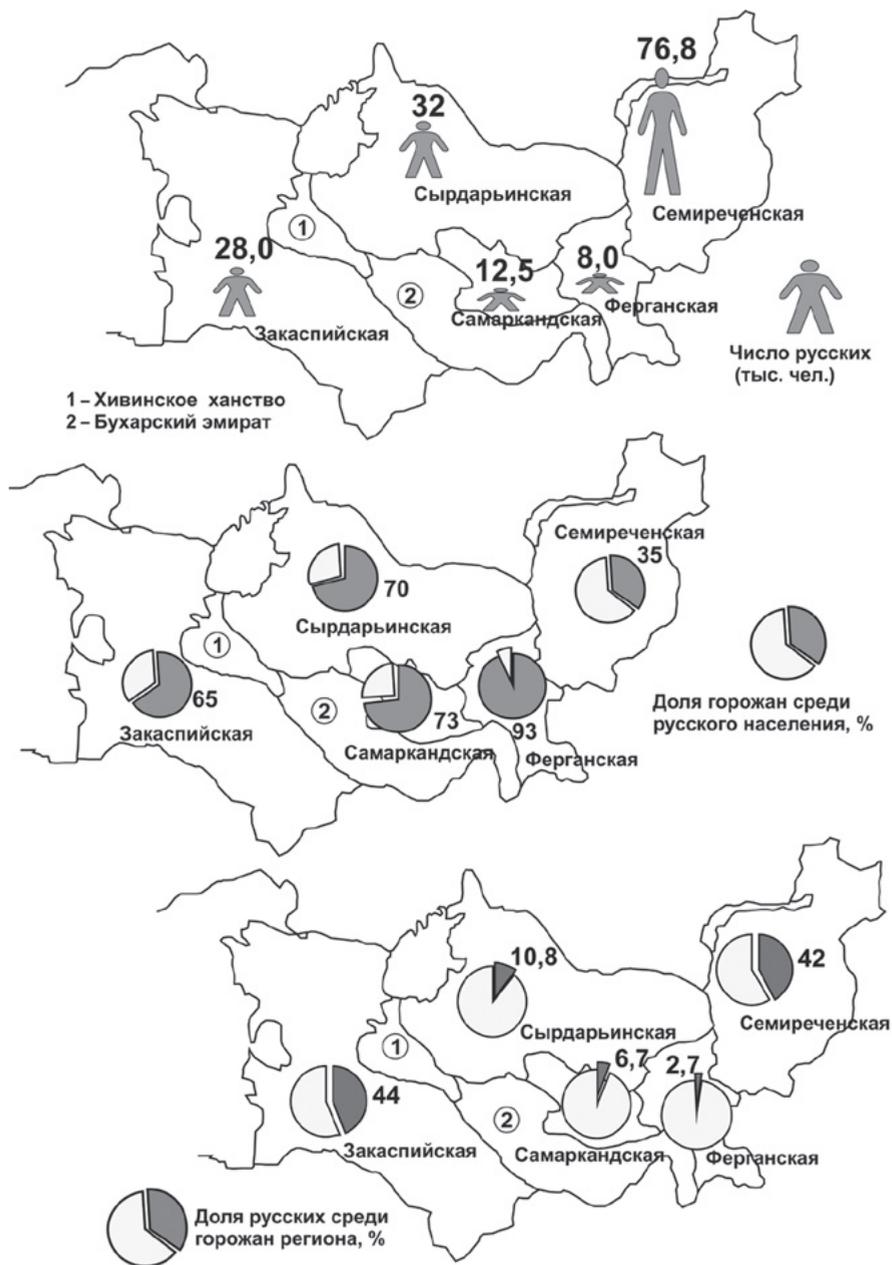

Рис. 6.1. Русские в Средней Азии (области), 1897 г.¹
(значительные части Семиреченской и Сырдарьинской областей
в советский период вошли в состав Казахстана)

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg

С одной стороны, привлечение русского (и шире – восточнославянского/православного, еще шире – христианского) населения в Среднюю Азию представлялось властям одной из важных задач в процессе ее имперской интеграции. С другой – интенсивный приток мигрантов требовал соответствующего земельного передела. В условиях плотной системы расселения и многочисленного «туземного» населения сделать это было совсем непросто. Любые неосторожные действия в данной сфере были чреваты ростом социального напряжения и межнациональными конфликтами. Необходимо учитывать и сложносоставную структуру самого переселенческого потока: в Туркестан прибывали не только ремесленники или крестьяне из центральных трудоизбыточных районов России, искавшие на новом месте свободной «землицы» для земледелия.

Побывавший в 1908–1909 гг. в Туркестане с ревизией К. Пален отмечал, что многие из приезжих не являлись «ни крестьянами, ни рабочими, а были промежуточной обнищавшей прослойкой, рассчитывавшей получить в Туркестане землю и создать идеальную жизнь, не вкладывая тяжелого труда. Их мало интересовала экономия, и они свысока смотрели на тяжело работающих и дисциплинированных туземцев. А ферганский военный губернатор писал в 1907 г.: “Вместе с переселенцами-хлеборобами набрело много разных неудачников, как-то: выгнанные из полицейской службы, бывшие лесные объездчики и запасные нижние чины, совершенно отвыкшие от земледельческого труда”»¹.

Впрочем, как свидетельствует мировая история, повышенный процент неблагополучного и неустроенного люда – неперемнная характеристика «колониристо-пионерских» сообществ. Русское население региона конца XIX – начала XX в. по ряду признаков могло быть отнесено к их числу.

Свою роль в формировании русской системы расселения играло и развитие транспортной системы, прежде всего появление железных дорог, связывающих центральные районы империи с Туркестаном. Наличие железнодорожного сообщения зачастую становилось решающим аргументом в пользу переселения. Но и само строительство железных дорог, как и последующее их обслуживание, требовало соответствующих «трудовых десантов». Вдоль отстраиваемых магистралей формируется сеть небольших поселений с русскими путейцами, служащими железнодорожных станций, перебивавшимися в регион вместе со своими семьями.

¹ История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1947. С. 348.

Впрочем, социальная структура переселенцев была самой разнообразной, как и причины их появления в Туркестане. Самостоятельную группу (ее иногда определяли как «оренбургскую») составляли отставные солдаты и казаки. Организуя Семиреченское войско, а также переселяя уральских казаков-староверов на территорию современной Каракалпакии, власть решала две задачи, колонизируя новые земли и одновременно наказывая отказавшихся по религиозным убеждениям от присяги староверов-уральцев¹. «Самарскими» называли переселенцев, перебравшихся в Туркестан из голодающего Поволжья в 1890-е гг. Отдельную группу составляли появившиеся к концу XIX в. политические ссыльные, которых особенно много было в Ташкенте².

С течением времени противоречия между центральными управленческими структурами (в частности Переселенческой комиссией) и региональной властью возросли. Положение осложнялось и тем, что помимо организованных переселенцев (относительно числа и географии размещения которых у различных органов власти возникали споры и шел поиск компромиссных решений) происходила стихийная миграция. Динамика ее носила пульсирующий характер, в значительной степени зависела от социально-экономической ситуации в наиболее густонаселенных регионах Европейской России. В голодные годы количество переселенцев стремительно возрастало, тем более что в широкой крестьянской массе циркулировали слухи о бесплатной раздаче земли в новых южных регионах империи.

Часть подобных переселенцев, не сумев приспособиться к климату Средней Азии, особенностям южного ирригационного сельского хозяйства, возвращалась в Центральную Россию (доля таких неудачников могла быть весьма значительной, составляя от трети до половины всех новоприбывших, а в отдельные годы достигала почти 100 %). Но основного тренда это изменить не могло – число русских в Средней Азии продолжало расти вплоть до начала Первой мировой войны и революции. В 1917 г., по оценке В.М. Кабузана, в Средней Азии проживало 267 тыс. русских – в 4 раза больше, чем в конце XIX в. (рис. 6.2).

Дореволюционный максимум русского этнического присутствия в регионе, очевидно, был достигнут раньше, поскольку в 1915–1916 гг. проводится масштабная мобилизация в армию русского (и шире – русскоязычного) населения. С другой стороны, на 1916 г. приходится восстание, охватившее значительные территории Средней Азии и нередко принимавшее

¹ Глущенко А.Е. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. URL: <https://www.admw.ru/books/Rossiya-v-Sredney-Azii--Zavoevaniya-i-preobrazovaniya/12>

² Этнический атлас Узбекистана. С. 189.

антирусскую направленность¹. Восстание удалось подавить только к лету 1917 г. Часть русского населения за время этой смуты должна была покинуть регион, не говоря уже о прямых потерях, которые понесли в первую очередь сельские русские (переселенцы-колонисты), беззащитные перед восставшими, видевшими в них едва ли не главный источник своих бед.

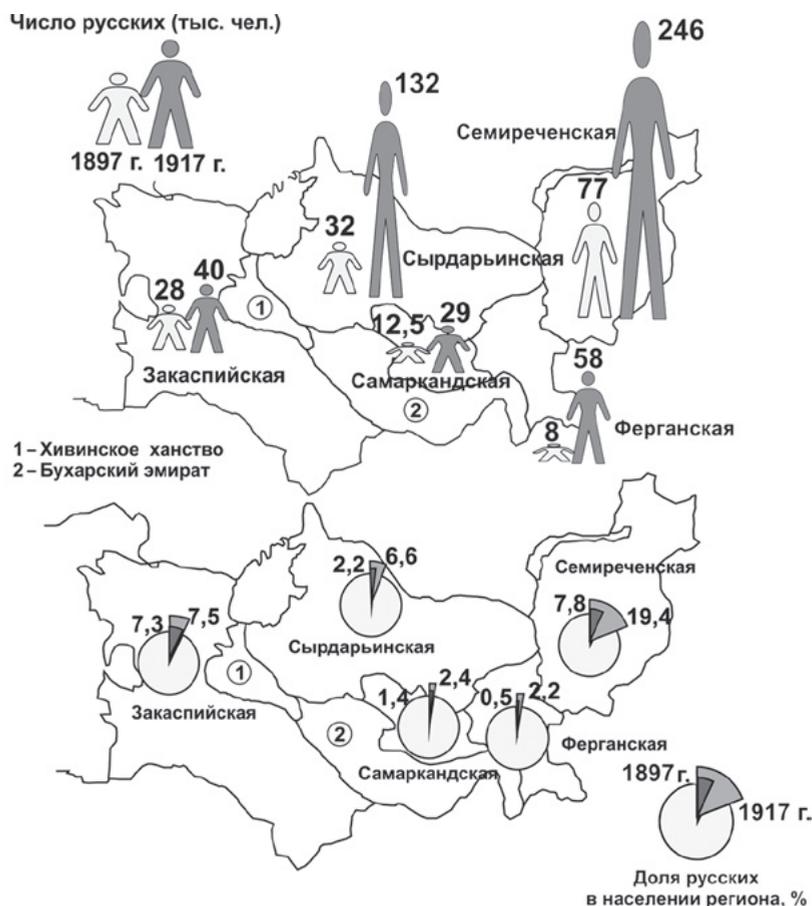

Рис. 6.2. Русские в Средней Азии (области), 1897–1917 гг.²

¹ Среди основных причин – отбор земель под хутора казаков и переселенцев; резко возросшее обнищание, вызванное закупом лошадей и скота для нужд фронта при катастрофически нарастающей инфляции. Свою лепту в растущее недовольство вносила деятельность местных властей, практиковавших реквизиции под видом «добровольных пожертвований» фронту. Окончательно накалил обстановку в регионе правительственный указ 25 июня 1916 г. о мобилизации мужского населения Средней Азии и Казахстана в возрасте от 19 до 43 лет «для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии». Если ранее коренное население Туркестана к армейской службе не привлекалось, то по этому указу мобилизации подлежало до 250 тыс. чел. Однако непосредственным поводом для перехода скрытого напряжения в открытый протест стал расстрел в Ходженте (4 июля 1916 г.) манифестации с требованием уничтожения списков мобилизованных.

² Рассчитано по: Кабузан В.М. Русские в мире; Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg

6.2

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Первые советские десятилетия

Однако ни восстание, ни глубокий политический и социально-экономический кризис страны (связанный с революциями 1917 г. и последовавшей Гражданской войной), ни развернутое в регионе активное вооруженное сопротивление новой власти (басмачество) не остановило приток в регион новых русских. В первое послереволюционное десятилетие (1917–1926 гг.) русское население Средней Азии выросло до 440 тыс. чел. Одна из причин – голод начала 1920-х гг., охвативший Поволжье и некоторые другие регионы Европейской России. Именно в это время появляется формулировка «Ташкент – город хлебный», объясняющая масштабную миграцию населения в крупнейший центр Средней Азии. За период 1920–1926 гг. русское население столицы Узбекистана, увеличившись почти вдвое, достигает 105 тыс. чел. Таким образом, в пределах одного города в середине 1920-х гг. концентрируется почти четверть всего русского массива региона.

Но куда активнее процесс русского этнокультурного освоения Средней Азии разворачивается в последующие годы. Масштабные планы первых пятилеток для национальных окраин обернулись ускоренной индустриализацией (тем более что их опережающее развитие являлось одним из основных ориентиров социально-экономической политики советской власти). Строительство железных и автомобильных дорог, урбанизация и создание десятков крупных промышленных предприятий стало причиной множества трудовых десантов в регион из «большой» России. По разнарядке в Среднюю Азию посылаются тысячи врачей, учителей, агрономов. Только в Узбекистан в годы второй пятилетки (1933–1938 гг.) приехало 94 тыс. русских рабочих и специалистов. Русское население Таджикистана в 1930-е гг. выросло на порядок. Но и в других республиках этот рост был многократным (рис. 6.3).

Перепись 1939 г. обнаруживает в регионе уже 1,4 млн чел. русских. Почти 950 тыс. чел. из них (68 %) проживали в городах. Стремительно растущая городская система региона в это время обретала ощутимый русский этнический облик. В Туркмении и Киргизии русские перед войной составляли половину республиканских горожан, в Узбекистане и Таджикистане – соответственно 35,5 и 37,2 %.

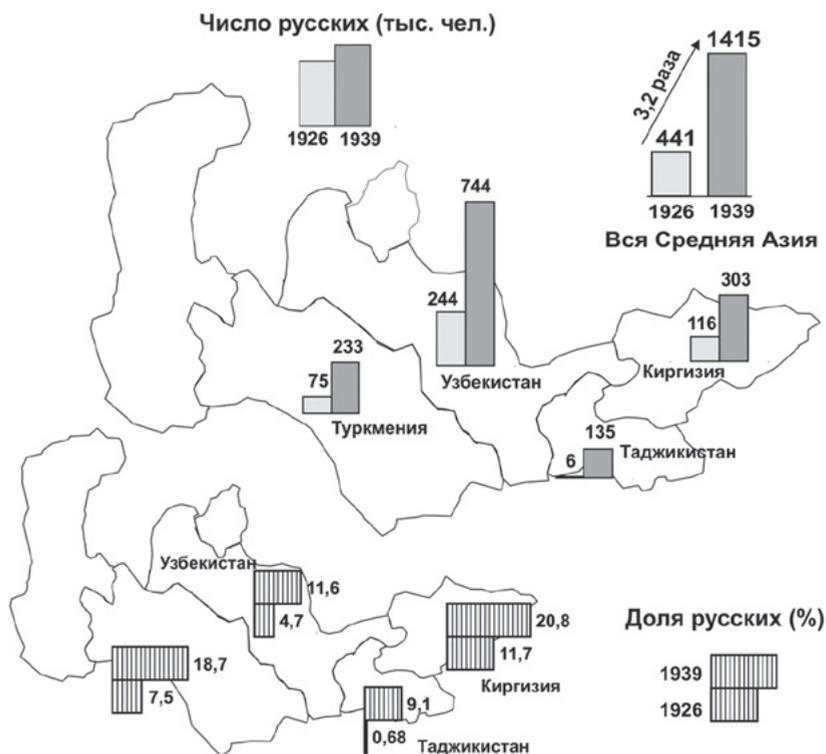

Рис. 6.3. Русское население Средней Азии, 1926–1939 гг.¹

Даже в пределах самой городской системы центростремительный характер русского расселения был очевиден. Чем крупней и выше по своему административному статусу был городской центр, тем больше в нем была доля русских и русскоязычных. Таким образом, концентрация русских была максимальной в республиканских столицах, в населении которых они в это время являлись основной этнической группой населения.

Растет русское население и в сельской местности. Конечно, здесь его присутствие было куда менее заметным, чем в городской среде. Тем не менее на него уже приходилось 3–4,5 % республиканских «поселян», а в Киргизии – более 14 %. Данная республика, заметим, была единственной в регионе, большая часть русского населения которой была расселена в сельской местности.

На растущую укорененность русских в Средней Азии указывало и достаточно сбалансированное гендерное соотношение, фиксируемое как в городах,

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_39.php

так и сельских районах. Половая структура русских к началу 1940-х гг. выровнялась даже в Таджикистане, в котором в середине 1920-х гг. мужской перевес был 4,5-кратным (а в сельской местности мужчин было больше в 15 раз).

За два десятилетия советская власть продвинулась в этнодемографической русификации региона больше, чем императорская Россия за 40 лет пребывания Средней Азии в ее составе. Впрочем, такого рода сравнение едва ли может быть корректным. Известно, насколько сложной и неравномерной во времени является такого рода этнодемографическая динамика. К тому же межрегиональная миграционная активность имеет тенденцию возрастать по мере продления срока пребывания территорий в пределах одного государства.

В конце 1930-х гг. Средняя Азия – куда более русский регион, чем в начале 1920-х. А Великая Отечественная война становится периодом еще более масштабного русского присутствия. Впрочем, имеет смысл говорить о стремительном демографическом росте не только русских, но и всего некоренного для региона населения страны, массово эвакуированного в Среднюю Азию. В республиках размещаются многие сотни промышленных предприятий, вывезенных вместе со своими трудовыми коллективами, открываются учебные заведения и детские дома; разворачиваются госпитали, в которых восстанавливаются после ранения десятки тысяч солдат Советской армии. Появляются в регионе и значительные массы гражданского населения, покинувшего оккупированные территории.

Пройдет два-три года – и эти производства и учреждения, как и массы беженцев, последуют в обратном направлении. Но часть перемещенного на юго-восток страны русского населения по разным причинам останется в Средней Азии, увеличивая местные русские общины. Тем более что на послевоенный период приходится новый виток советской индустриализации региона, сопряженной с масштабным городским строительством.

Послевоенные десятилетия

Перепись 1959 г. обнаруживает в Средней Азии уже больше 2,2 млн русских. Это число будет расти и дальше, но в удельном соотношении русское этническое присутствие в регионе достигает своего исторического максимума. На рубеже 1950–1960-х гг. в Узбекистане и Таджикистане русские составляют 13,3–13,5 % населения, в Туркмении – 17,3 %, а в Киргизии их уже более 30 %.

Следующее десятилетие (1960-е гг.) – последнее, связанное с ощутимым миграционным притоком русских в Среднюю Азию. Как и раньше, это были трудовые миграции на строящиеся и уже возведенные промышленные объекты – новые заводы и фабрики, плотины и гидроузлы. Потребность в квалифицированных кадрах была огромной. За период 1959–1970 гг. в регион перебралось около полумиллиона русских, половина из которых пришлось на Узбекистан, в котором пришлось почти с нуля восстанавливать разрушенный сильным землетрясением Ташкент (1966 г.). Перепись 1970 г. зафиксировала новый рекорд этнокультурного присутствия – более 3 млн русских в Средней Азии (рис. 6.4).

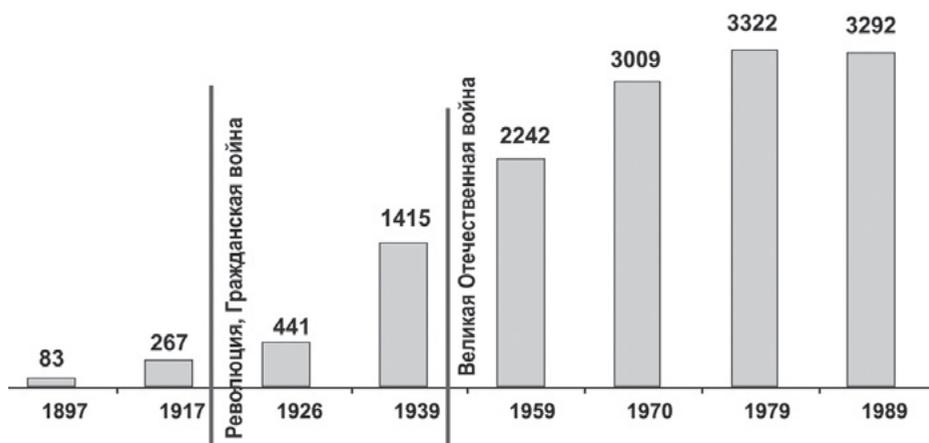

Рис. 6.4. Динамика численности русского населения Средней Азии, 1897–1989 гг. (тыс. чел.)

В последние два десятилетия советского периода темпы роста экономики постепенно шли на убыль, как и размах новыхстроек. Сокращались и потоки межреспубликанской трудовой миграции. Инерции данного мощного демографического тренда, заложенного послевоенными пятилетками, хватило еще и на 1970-е гг. Даже в это десятилетие все русские республиканские общины региона продолжали пополняться за счет миграционного притока, хотя и не столь значительного, как раньше (в общей сложности в Среднюю Азию в 1970-е гг. въехало порядка 170–190 тыс. русских). Но основным фактором демографического роста становится уже расширенное естественное воспроизводство, темпы которого тоже постепенно идут вниз (с ежегодных 11–12 ‰ в первой половине – середине 1960-х гг. до 6–7 ‰ в следующем десятилетии).

Временным порогом, развернувшим восходящий этнодемографический тренд на противоположный, стал рубеж 1980–1990-х гг. В Средней Азии

проживало более 3,3 млн русских. Но действовавшая с 1920-х гг. формула роста русского этнического присутствия через приток трудовых мигрантов – активных, а зачастую и основных создателей республиканской социальной сферы и промышленности, участников опережающего развития городов – полностью себя исчерпала.

Социокультурное развитие республик сопровождалось ростом национального самосознания титульных народов, нарастающей кадровой «коренизацией» профессиональных сообществ (прежде всего статусных социальных иерархий), всё более активным притоком в города местного сельского населения. Хотя во всех республиках Средней Азии русские наряду с титульными народами оставались ведущей группой городского населения (на них в конце 1970-х гг. приходилось 25–30 % горожан, а в Киргизии – почти 40 %). Еще выше была доля русских в республиканских столицах.

В целом вторая половина 1970-х – начало 1980-х гг. стали коротким периодом равновесия в демографической динамике русских Средней Азии. Возможно, при другой общественно-политической траектории развития страны этот период мог превратиться во временное «плато», растянуться на 10–20 лет, в течение которых, перестав получать миграционную подпитку, региональный русский массив продолжал бы увеличиваться за счет небольшого естественного прироста.

Но за несколько перестроечных лет динамика развития Советского Союза стремительно скатывается в русло катастрофического сценария. Обрывается и равновесный период русского этнокультурного присутствия в Средней Азии. Но последняя советская перепись 1989 г. зафиксировала только начальные стадии набравшего ход демографического отступления. Число русских в регионе сократилось за 10 лет всего на 29 тыс. чел. (менее 0,9 %) и по-прежнему составляло 3,3 млн чел. Однако миграционная убыль фиксировалась уже во всех республиках, составив в 1980-е гг. 165–175 тыс. чел. (причем самая значительная часть мигрантов покинула регион уже в годы перестройки)¹.

В 1990–1991 гг. ситуация в основных сферах жизни республиканских обществ (в том числе и сфере межэтнических отношений) стремительно ухудшалась, оборачиваясь в отдельных случаях массовыми миграциями из региона тех или иных национальных групп (например, были вынуждены бежать из Узбекистана турки-месхетинцы).

Массовый отток русского/русскоязычного населения из Средней Азии становился неизбежным. Начался он еще до распада Советского Союза.

¹ Достаточно сказать, что величина оттока русского населения в 1989 г. только из Узбекистана составила 35 тыс. чел.

Узбекистан

Демографический рост крупнейшей в регионе русской общины упал с 37 % в 1960-е гг. до 11,4 % в следующем десятилетии, что несколько превосходило собственный естественный прирост местного русского населения. Небольшой миграционный приток русских в республику мог сохраняться до середины 1970-х гг. Но если в 1960-е гг. их этническое присутствие ощущимо выросло в большинстве областей Узбекистана (за исключением Самаркандской и Наманганской областей), то в 1970-е гг. география активного демографического роста ограничивалась уже Ташкентом и тремя регионами республики. В двух других (Сурхандарьинская область и Каракалпакия) русские общины потеряли 12,5–15,5 %.

Менялась и форма расселения местных русских. Весь послевоенный период продолжался процесс их ускоренной урбанизации. Русское сельское население в республике сокращалось начиная с конца 1930-х гг. Начало этнодемографического отступления русских из республики можно отнести уже к середине века. Но на первых этапах оно имело отчетливую расселенческую форму. В 1960-е гг. сельская часть русской общины Узбекистана сократилась на 5 тыс. чел. (с учетом естественного прироста реальный отток составил около 20 тыс. чел.). В 1970-е гг. сельских русских стало меньше на 63 тыс. чел. (сокращение со 173 до 110 тыс. чел.) – для стабильного советского времени темпы убыли крайне высокие (принимая в расчет естественную динамику, сельскую местность республики за десятилетие покинул почти каждый второй русский житель) (табл. 6.1).

Нарастающая социокультурная специфика социальной жизни Узбекистана становилась всё менее комфортной для русских, в подавляющем большинстве не знавших узбекского языка¹. Часть переселенцев могла уезжать из республики. Но основная масса перебиралась в города Узбекистана, куда был направлен и основной поток внешних трудовых мигрантов. Причем основным центром притяжения для тех и других являлся Ташкент.

В 1960-е гг. русская община столицы республики выросла на 41 %. Приезд в столицу Узбекистана строителей из многих регионов СССР был последним масштабными трудовым десантом в пределы республики. Но и в 1970-е гг. численность русских Ташкента выросла на 19 %². К началу последнего советского десятилетия более 40 % всех русских Узбекистана – жители его столицы. А с учетом Ташкентской области в столичном ареале

¹ Из 1,67 млн чел. в конце 1970-х гг. «титულный» язык знало только 98,1 тыс. чел. (5,9 %).

² Помимо миграционного пополнения, этот рост мог быть обусловлен повышенным естественным приростом столичного русского населения, связанным с его молодой возрастной структурой и повышенной репродуктивной активностью.

было сосредоточено 60 % русского населения республики. Но и в других ее регионах основная масса русских – горожане. Уровень урбанизации общины в начале 1980-х гг. превышает 93 %. География русских Узбекистана всё более совмещается с его городской системой (рис. 6.5).

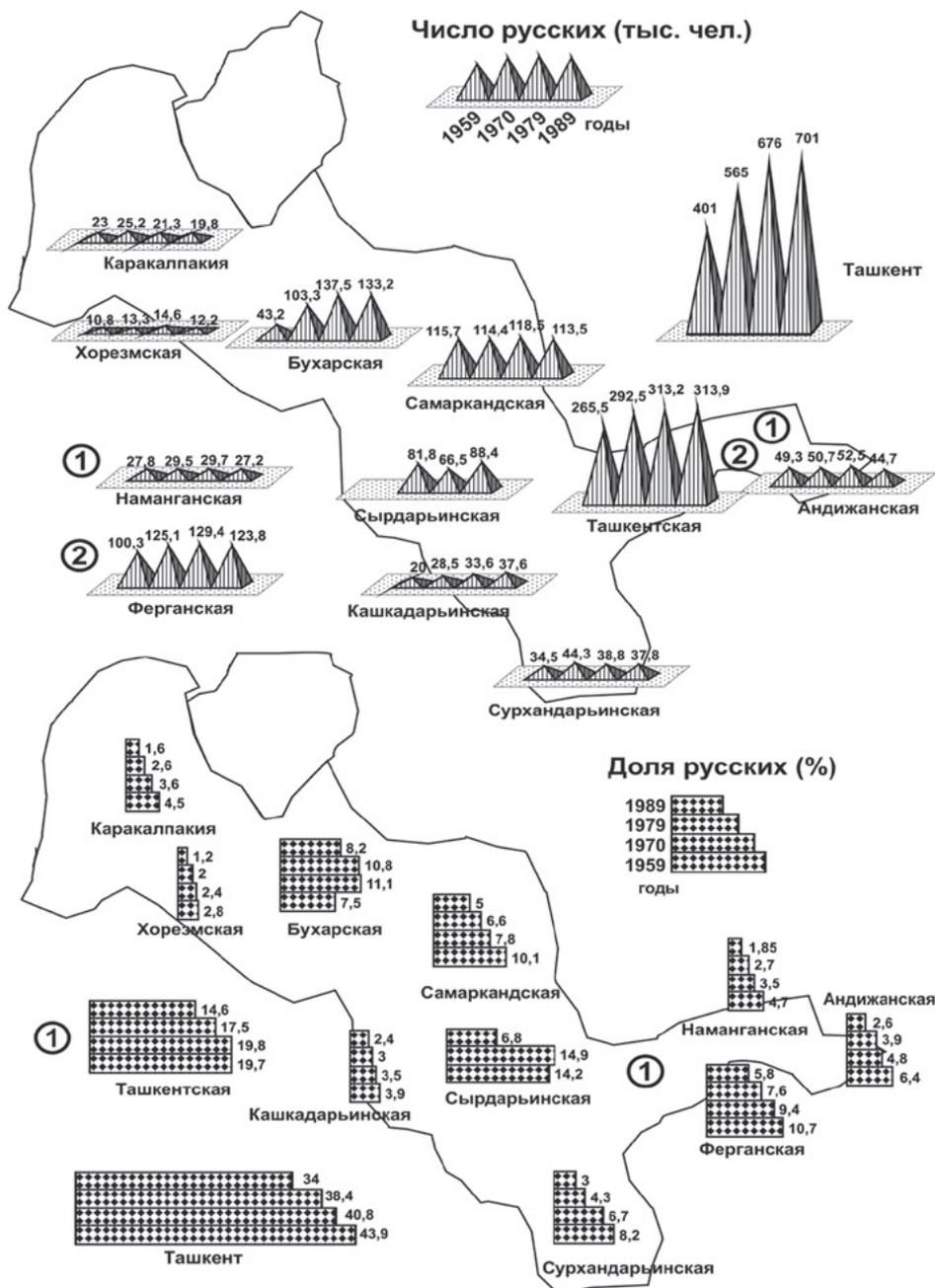
Таблица 6.1. Геодемографические характеристики и гендерное соотношение русских Узбекистана, 1926–1989 гг.¹

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских, %			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	всего	город	село
1926	246,5	208,7	37,8	84,7	4,7	19,0	0,91	106	104	121
1939	727,3	515,0	212,3	70,8	11,6	35,5	4,4	94	85	119
1959	1090,7	912,7	178,0	83,7	13,4	33,5	3,3	75	73	87
1970	1495,5	1322,3	173,2	88,4	12,5	30,3	2,3	79	78	86
1979	1665,7	1555,5	110,1	93,3	10,8	24,8	1,2	80	80	84
1989	1653,5	1567,3	85,8	94,1	8,3	19,5	0,73	82	82	88

Данные геодемографические тренды еще отчетливей проявились в последнее советское десятилетие. Число сельских русских Узбекистана сократилось со 110 до 86 тыс. чел. Уровень урбанизации русского населения республики превысил 94 %. Но, в отличие от 1960–1970-х гг., число русских горожан выросло всего на 12 тыс. чел. Данный прирост был связан с положительной количественной динамикой столичной общины. Она увеличилась на 25 тыс. чел., тогда как численность остального русского городского населения республики уже начала сокращаться.

География русской демографической депопуляции, включавшая в 1960-е гг. только две области, в последнее советское десятилетие захватывала уже почти всю территорию республики – русское население количественно убывало в 10 из 12 регионов Узбекистана.

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_59.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php

1959–1989 гг.¹

Туркмения и Таджикистан

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_59.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php

В целом аналогичной по геодемографическим закономерностям была послевоенная динамика русского населения в двух из трех остальных республик Средней Азии. Следует, однако, учесть, что число русских поселян в Туркмении и Таджикистане всегда было весьма незначительным. Причем в первой из них основное сокращение русских в сельской местности пришлось уже на 1940–1950-е гг. В течение этого периода их количество в Туркмении сократилось с 25,5 до 14,5 тыс. чел., а уровень урбанизации русской общины республики приблизился к 95 %. Почти все русские стали горожанами. Депопуляция русских сельских общин Туркмении продолжилась и в дальнейшем – к концу 1980-х гг. в ее сельской местности проживало только 10,4 тыс. русских жителей (табл. 6.2).

Таблица 6.2. Геодемографические характеристики и гендерное соотношение русских Таджикистана и Туркмении, 1926–1989 гг.¹

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских, %			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	всего	город	село
<i>Таджикистан</i>										
1926	5,64	3,97	1,67	70,4	0,68	1,0	0,21	448	329	1519
1939	134,9	92,7	42,2	68,7	9,1	37,2	3,4	109	95	148
1959	262,6	228,3	34,3	86,9	13,3	35,3	2,6	77	74	97
1970	344,1	322,7	21,4	93,8	11,9	30,0	1,17	77	77	87
1979	395,1	371,8	23,3	94,1	10,4	28,3	0,94	79	78	91
1989	388,5	364,8	23,7	93,9	7,6	22,0	0,69	82	79	130
<i>Туркмения</i>										
1926	75,4	64,0	11,4	84,9	7,5	46,7	1,32	120	116	146
1939	232,9	207,5	25,5	89,1	18,7	49,8	3,1	99	90	235
1959	262,7	248,2	14,5	94,5	17,3	35,4	1,78	74	72	111
1970	313,1	299,5	13,6	95,7	14,5	29,0	1,21	80	79	118
1979	349,2	337,0	12,2	96,5	12,6	25,7	0,84	80	79	107
1989	333,9	323,5	10,4	96,9	9,5	20,3	0,54	83	81	132

Уход русских из сельской местности Таджикистана пришелся на 1940–

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_59.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php

1960-е гг. За 30 лет их число сократилось почти в два раза. Наиболее ощутимым оно оказалось в 1960-е гг. – с 34,4 до 21,4 тыс., чел. Это означало, что в течение десятилетия сельскую местность республики покинуло около 40 % ее русских жителей.

Городские общины в обеих союзных республиках росли быстрыми темпами до конца 1970-х гг., когда в них и был достигнут максимум русского демографического присутствия. В 1980-е гг. начинают сокращаться в числе и русские горожане. Впрочем, столичные общины (русские Ашхабада и Душанбе) очень ограниченно, но продолжали расти вплоть до конца советского периода. Это увеличило и без того высокий удельный вес столиц в структуре республиканского русского населения. Особенно отчетливым этот процесс был в Таджикистане, в котором доля столичных русских за 1939–1989 гг. выросла с 35 до 50 %. Но и в Туркмении к концу советского периода в столице было сосредоточено уже 39 % русских республики (рис. 6.6).

Растущая концентрация русского населения в столицах не способна была остановить процесс их быстрой коренизации. Русские, еще в 1970-е гг. являвшиеся в обеих республиканских столицах крупнейшей этнической группой, в последнее советское десятилетие уступили эту позицию титульным национальностям.

Если в Ашхабаде процесс русского этнокультурного отступления оставался плавным до самого конца советского периода, то в Душанбе он резко ускорился в начале 1990 г. – в середине февраля в столице Таджикистана произошли масштабные антирусские погромы под лозунгами: «Таджикистан для таджиков!», «Русские, убирайтесь в свою Россию!».

Существуют разные оценки количества жертв, но в любом случае счет шел на десятки, не говоря об избиениях и изнасилованиях, число которых многократно превышало количество убийств. Местные власти оказались не в состоянии остановить насилие, а Москва прореагировала со значительным опозданием. Внутренние войска были переброшены в столицу Таджикистана только через десять дней после начала погромов. Основную роль в прекращении насилия сыграли силы русской самообороны, организованные в городе к 15 февраля (погромы начались 12 февраля).

Но стабилизация обстановки в столице республики по большому счету уже ничего не меняла. Русское население Душанбе убедилось в своей незащищенности даже в пределах современного модернизированного города, к этому времени всё еще на треть состоявшего из самих русских. Уход их из республики в последние два года советского периода принял массовые масштабы.

Рис. Число и доля русских в республиках Средней Азии, 1959–1989 гг. (* – контуры территории изменились)¹

Киргизия

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_59.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php

Определенной спецификой отличалась геодемографическая динамика русского населения Киргизии – единственной из республик региона, в которой сельские русские количественно преобладали на протяжении долгого времени. Уровень урбанизации русской общины в 50 % был достигнут здесь только в начале 1950-х гг., но демографический рост сельской ее компоненты продолжался еще два десятилетия. Только в 1970-е гг. отток в города начинает превышать естественный прирост и число русских поселян сокращается на 5 тыс. чел., но их география и система расселения оставалась широкой, включая северные и восточные районы республики (территории, прилегающие к республиканской столице, и Иссык-Кульскую область) (рис. 6.6).

Таблица 6.3. Геодемографические характеристики и гендерное соотношение русских Киргизии, 1926–1989 гг.¹

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских, %			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	всего	город	село
1926	116,4	45,1	71,4	38,7	11,7	37,2	8,2	101	103	99
1939	302,9	134,4	168,5	44,4	20,8	49,7	14,2	98	95	100
1959	623,6	360,3	263,2	57,8	30,2	51,7	19,2	83	81	87
1970	855,9	564,2	291,7	65,9	29,2	51,4	15,9	85	82	91
1979	911,7	625,3	286,4	68,6	25,9	46,3	13,2	86	84	91
1989	916,5	641,0	275,5	69,9	21,5	39,5	10,5	87	85	94

Доля русского населения в сельской местности Киргизии сокращалась на протяжении всего послевоенного периода, но и в конце советского периода составляла 10–13 %. Для Таджикистана и Туркмении данный показатель в это время опустился уже заметно ниже 1 %, в Узбекистане составлял 1,2–1,5 %.

Демонстрируя сходство с Казахстаном, Киргизия являлась единственной республикой Средней Азии, в которой численность русских росла практически до конца советского периода, увеличившись в 1980-е гг. почти на 5 тыс. чел. Столь незначительный прирост указывал на миграционный отток из республики в размере 40–50 тыс. чел.

6.3

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39_gs.php?reg=11&gor=3&Submit=OK; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_59.php?reg=11; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_59.php?reg=11.

ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

1990-е гг.

Системный кризис СССР, закончившийся его распадом, раскручивает маховик русского этнокультурного отступления из региона уже на полную мощь. Показательной в этом плане является динамика русской миграции из **Узбекистана** – уже на рубеже 1990-х гг. она достигает внушительных размеров, составляя ежегодно десятки тысяч человек. Однако максимум приходится на первую половину 1990-х гг. с максимумом в 1994 г., когда и без того высокие показатели оттока выросли почти вдвое. Данный пик, очевидно, связан с окончательным решением выжидающей части русских, спустя 2–3 года после начала постсоветской эры убедившейся в бесповоротности происшедшего распада советской империи (а значит, и в окончательной государственной независимости Узбекистана – консервативной мусульманской страны, в которой русские отныне и навсегда становятся нацменьшинством с минимально защищенными правами и практически без знания государственного языка).

По данным А. Амана, чистый отток русских из Узбекистана только за 1990–1998 гг. составил более 642 тыс. чел. Но в исследовательской литературе присутствуют и более скромные оценки миграционной активности русских. По мнению авторов девятого демографического ежегодника России, за 1992–2001 гг. нетто-миграция русских из страны составила почти 398 тыс. чел. Как видим, расчетные периоды не совпадают, но для общего временного интервала ежегодные оценки оттока русских второго из этих источников оказываются в 1,5–2 раза ниже (табл. 6.4).

Учитывая, что перепись населения УзССР, проведенная в рамках советской переписи 1989 г., по настоящий момент остается последней в истории страны, определить точность представленных выше цифр невозможно. Ежегодные отчеты Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан дают некоторое представление об этнодемографической динамике населения страны, однако есть серьезные причины относиться к публикуемой статистике с осторожностью. Анализ динамики русского населения постсоветского Узбекистана (впрочем, как и всех его остальных народов) в значительной степени представляет собой экспертный расчет, сопряженный

с возможностью серьезных количественных ошибок, способных составлять десятки процентов от размера анализируемых национальных сообществ.

Таблица 6.4. Миграционная динамика русского населения Узбекистана

Страны	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
<i>Данные А. Амана¹</i>													
Прибывшие	62,4	32,5	48,2	45,1	36,1	24,6	26,5	12,1	7,5	7,5			
Выбывшие	97,5	70,6	102,4	174,1	116,6	208,6	115,0	31,2	28,3	35,5			
Чистый отток	35,2	38,2	54,2	129,1	80,5	184,0	88,6	19,1	20,8	28,0			
<i>Население России 2001²</i>													
Чистый отток				65,2	50,7	93,5	64,2	23	19,7	23	22,7	22,7	13

Различаясь в оценках масштабов оттока русских из Узбекистана, разные источники сходятся в том, что после пиковых значений первой половины 1990-х гг. во второй половине этого десятилетия активность миграции существенно снижается. К этому времени все однозначно ориентированные на отъезд русские покидают республику, и этнокультурное отступление из стремительной стадии переходит в плавную, сохраняя при этом устойчивость. А естественная убыль, накладываясь на отток, работает на ускоренное демографическое сжатие практически всех территориальных русских общин страны.

Согласно одной из оценок, численность русских в Узбекистане на рубеже 1990–2000-х гг. составляла 1199 тыс. чел., т.е. сократилась на 454 тыс. чел. (или на 27,5 %) в сравнении с 1989 г. Но если ориентироваться на данные А. Амана, только миграционные потери русского населения за период 1990–2000 гг. могли приближаться к 700 тыс. чел. Порядка 3–4 % (50–60 тыс. чел.) русской общины страны составляла в 1990-е гг. естественная убыль. Таким образом, к началу XXI в. в Узбекистане могло оставаться около 900 тыс. русских. Однако сам А. Аман для 1999 г. дает еще меньшую цифру – 843 тыс. чел.³

Даже если исходить из более осторожных оценок миграционного оттока, за весь анализируемый период они должны были составить примерно 450 тыс. чел. С учетом естественной убыли русских в Узбекистане стало бы меньше на полмиллиона человек (около 1,15 млн чел.). Если предположить,

¹ Aman Alikhan. Population migration in Uzbekistan (1989–1998). Tashkent: UNHCR, 2000. P. 61.

² Население России 2001: девятый ежегодный демографический доклад. М., 2002. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r01/sod_r.html.

³ Aman Alikhan. Op. cit. P. 100–101.

что реальная численность русского населения в стране в 2000 г. была примерно равноудалена от крайних оценок (840 и 1200 тыс. чел.), то наиболее вероятный ее количественный диапазон – 1000–1050 тыс. чел. (т.е. русских в 1990-е гг. стало меньше на 36,5–40 %).

В целом аналогичной была динамика русских в **Киргизии**, обладавшей в регионе второй по величине русской общиной, при максимальном для Средней Азии удельном весе русских в структуре населения. Существенным фактором, во многом определившим характер демографической динамики русского населения в постсоветский период, являлась форма его расселения в стране. Напомним, что в Киргизии (как и в соседнем Казахстане) помимо городов русское население исторически было широко представлено и в сельской местности.

Сельское население, имеющее за спиной несколько поколений, выросших на этой земле, обладает куда более высокой степенью укорененности, чем городское. Это обстоятельство, как и общий значительный удельный вес русских в Киргизии, определяло меньшие масштабы оттока, чем в Узбекистане. Но сама динамическая кривая миграционного оттока была аналогичной – пик его пришелся на первую половину 1990-х гг. Показателен быстрый спад миграции после 1994 г. (за 7 последующих лет чистый отток русских составил только 50 тыс. чел.). За период 1989–1999 гг. число русских в республике сократилось с 917 до 603 тыс. чел. (на 34 %). С учетом того, что естественная убыль за этот период не превышала 20–30 тыс. чел., подавляющая доля демографических потерь (90–95 %) пришлось именно на миграцию.

Опережающими темпами сокращалось число русских горожан, что привело к некоторому сокращению уровня урбанизации русского населения страны. Исключение составляла только столица Киргизии. Если в конце советского периода на Бишкек (Фрунзе) приходилось 37,7 % русских республики, то на рубеже веков – уже почти 42 %. При этом доля остальных русских горожан сократилась с 32,2 до 23,6 %. Неравномерной была убыль русских и по регионам страны. Максимальные темпы депопуляции демонстрировали южные области – Ошская, Баткенская, Нарынская, в которых численность русских в 1990-е гг. сократилась в несколько раз.

География и форма расселения русского населения Киргизии заметно трансформировалась. В большей степени сохранялись столичная община и сельское население прилегающих к Бишкеку территорий (Чуйская область).

В двух других государствах региона демографическое сжатие русских общин оказалось более стремительным. Масштабный исход русских (и в целом русскоязычных) из **Таджикистана**, как уже отмечалось, начался еще в советский период. К моменту распада СССР из 388 тыс. чел. русских, зафиксированных переписью 1989 г., в республике оставалось только 250 тыс. чел.

За два последних года советской власти ее покинули около 140 тыс. русских. Почти столько же иммигрировало из Таджикистана в последующие четыре года (1992–1995 гг.). К середине десятилетия дерусификация страны уже в значительной степени состоялась. Это и подтвердила перепись 2000 г., обнаруживавшая в Таджикистане 68,2 тыс. русского населения (в 5,7 раз меньше, чем в 1989 г.).

Уход русских был повсеместным. Столичная община сократилась даже в большей степени, чем русское население других городов и сельской местности. Очевидно, свою роль сыграло то, что именно Душанбе стал эпицентром русских погромов на рубеже 1980–1990-х. Впрочем, и в сельских районах численность русских сократилась многократно, и к началу нового века составляла менее 7 тыс. чел. (0,15 %), практически неощутимых в местной этнокультурной среде. Заметную часть сельских русских могли составлять женщины, вышедшие замуж за таджиков или представителей другого регионального народа.

Один из распространенных вариантов такой семьи проиллюстрирован местной журналисткой следующим образом: «Кишлак Хасани находится в десяти километрах от районного центра. Обычный таджикский дом. Хозяйка дома ничем не отличается от ста других таджикских женщин, одетая в национальную одежду, большой повязанный платок, только светлые глаза и незначительный акцент свидетельствовали о том, что перед нами – явно не таджичка. Дина Пешкова живет здесь с 1967 года, со времени, когда ее будущий муж Шоди Камолов... после армии привез ее из Мокроусского района Саратовской области. Она приняла исламскую религию, родила десятерых детей и почти забыла свой родной язык»¹.

Однако и в городской среде Таджикистана русские к 2000 г. стали малозаметной национальной группой – 5,1 % среди жителей столицы и 3,1 % населения в других городах (в конце советского периода эти цифры составляли соответственно 32,4 и 16,1 %). Всегда обладавшие высоким уровнем урбанизации, русские к началу XXI в. должны были уже в максимальной степени сконцентрироваться в городах, прежде всего в столице – по сути, единственном крупном центре страны, сохранившем значительный социокультурный потенциал и многие модернизированные формы социальной жизни².

¹ Курбанова М. Дина Пешкова: «Я уже давно таджичка!». URL: http://www.toptj.com/News/2006/10/26/dina_peshkova_ya_uzhe_davno_tadzhichka

² Очевидно, что между размером городского центра и сохранением в нем модернизированной социальной среды и современных структур повседневности в постсоветской Средней Азии наблюдалась прямая зависимость. Малым городам региона, даже в советское время располагавшим небольшим социокультурным потенциалом, после распада СССР оказалось еще сложнее противостоять плотно обступившей их сельской социальной архаике. Согласно переписи 2000 г., после столичного Душанбе

Быстрыми темпами сокращалась русская община и в **Туркменистане**. Однако анализ ее демографической динамики предельно затруднен из-за погрешностей национальной переписи 1995 г. и публиковавшихся в последующие годы официальных материалов республиканского статкомитета. Со второй половины 1990-х гг., рапортуя туркмен-баши С. Ниязову о небывалых демографических успехах республики, представители Госкомстата самым существенным образом завышали реальную численность населения.

По данным переписи 1989 г., в Туркмении проживало 3,53 млн чел. Перепись 1995 г. насчитала в республике уже 4,48 млн жителей. Итак, если за последнее советское десятилетие (1979–1989 гг.) ее население выросло примерно на 750 тыс. чел., то за шесть последующих лет – уже на 950 тыс. чел. На первую половину 1990-х пришелся максимальный миграционный отток русского и русскоязычного населения. Но даже если эмиграцию из страны не брать в расчет, считая миграционное сальдо равным нулю, получить подобный демографический рост можно было только при увеличении среднегодового коэффициента естественного прироста с 2,2–2,3 % (1979–1989 гг.) до 4,1–4,2 % (1989–2005 гг.). То есть в условиях глубокого политического и социально-экономического кризиса, на который население всех постсоветских государств ответило сокращением своей рождаемости и ростом смертности, демографическая динамика Туркменистана была прямо обратной.

Проблема данного виртуального демографического «довеска» усугубилась тем, что, начав делать масштабные приписки, республиканский Госкомстат не мог остановиться. Уже в 1999 г. его специалисты констатировали рождение 5-миллионного жителя республики. К середине 2003 г. родился 6-миллионный житель, а к лету 2007 г. население Туркменистана, усилиями его Госкомстата, вплотную приблизилось к семимиллионному рубежу, статистическое покорение которого остановила только смерть С. Ниязова. Но последствия данного «марафона» приписок сказываются до сих пор. Среди них, в частности, невозможность публикации данных переписи населения республики, проведенной еще в декабре 2012 г.

Очевидно, что в такой ситуации не приходится доверять данным официальной статистики и по национальной структуре населения Туркменистана. Если эти данные были существенно завышены для всего населения страны,

(562 тыс. чел.) вторым по размеру городом Таджикистана являлся Худжанд, имевший всего 149 тыс. жителей; третьим центром был Куляб – 78 тыс. чел. Не говоря уже об остальных городах, население которых было меньше 50 тыс. чел.

есть серьезные основания полагать, что такими же они были и в отношении местного русского населения.

Итак, согласно данным переписи, русская община Туркменистана за период 1989–1995 гг. сократилась всего на 10 % (с 334 до 299 тыс. чел.). Между тем именно на этот период пришлись пиковые показатели оттока русских из всех других бывших республик СССР, и едва ли Туркменистан был исключением¹. Только по официальным (далеко неполным) данным, эмиграция русских из республики в Россию в 1992–1995 гг. составила почти 43 тыс. чел. С показателями 1991–1992 гг. и неучтенным оттоком данную цифру можно увеличить до 70–80 тыс. Свой вклад в демографическое сжатие русской общины начала вносить и естественная убыль, которая, впрочем, в первые постсоветские годы была незначительной.

К середине 1990-х гг. в Туркменистане могло оставаться порядка 250 тыс. русских. Период интенсивного сокращения местной русской общины мог оказаться несколько более затяжным, чем в других государствах Средней Азии (то есть завершиться не к 1994–1995 гг., а к 1997–1998 гг.)². К началу XX в. в республике, по разным оценкам, оставалось от 100 до 250 тыс. русских. Реальная цифра, очевидно, располагалась в середине этого диапазона, в пределах 150–200 тыс. чел.

Но возможна и несколько более точная экспертная оценка. Согласно официальной статистике Госкомстата РФ, чистый отток русских из Туркменистана в Россию в 1995–2000 гг. составил 38 тыс. чел. С учетом теневой миграции, естественной убыли, а также русских, выехавших в другие страны СНГ и дальше зарубежье, общий масштаб демографических потерь республиканской общины во второй половине 1990-х гг. мог достигать 50–60 тыс. чел. Если исходить из предположения, что в середине первого постсоветского десятилетия русских в стране было 250 тыс. чел., то к 2000 г. их должно было оставаться в пределах 190–200 тысяч.

Итак, на протяжении 1990-х гг. русский массив Средней Азии сократился почти в два раза. Но и на рубеже XX–XXI вв. он составлял всё еще весьма значительную величину – порядка 1,7–1,77 млн чел.

¹ К примеру, по данным М.С. Демидова, только в 1994 г. официальная эмиграция русских из республики составила 17,4 тыс. чел. (Демидов М.С. Постсоветский Туркменистан. М., 2002. С. 15).

² В этом отношении показательно, что по официальным данным российского Госкомстата ежегодный максимум оттока русских из Туркменистана был достигнут только в 1996 г., тогда как в Таджикистане в 1992 г., в Киргизии в 1993 г., в Узбекистане в 1994 году.

Начало XXI в.

Тенденция повсеместного русского этнокультурного отступления из региона сохраняется и в 2000-е гг. Острая фаза данного процесса осталась позади во всех государствах Средней Азии. Но устойчивый отток и столь же устойчивая естественная убыль работали на повсеместное сокращение русского населения.

Достаточно точная информация о демографической динамике русских общин на протяжении первых двух десятилетий XXI в. имеется только по Киргизии. Но перепись населения, проведенная в Таджикистане в 2010 г., также позволяет достаточно точно оценить численность и пространственное размещение русских в этой среднеазиатской стране в конце 2010-х гг. Для Узбекистана существует официальная статистика, представляющая данные текущего демографического учета. Эти данные могут быть завышены, но в любом случае расширяют возможности экспертной оценки геодемографической динамики русской общины этой страны в 2000–2010-е гг. Отрывочная информация имеется и по русским Туркменистана, предполагающая, однако, их серьезную аналитическую экспертизу.

Узбекистан

Первая перепись населения, которая должна пройти в постсоветском Узбекистане, анонсирована властями на 2022 г. Информация, предоставляемая Государственным статистическим комитетом Узбекистана, является результатом текущего этнодемографического и миграционного учета. Согласно ему, численность русских в стране на рубеже веков составляла порядка 1200 тыс. чел. К началу 2010-х гг. она опустилась ниже 900 тыс. чел., а в 2017 г. составила 750 тыс. чел. (табл. 6.5).

Таблица 6.5. Динамика русского населения Узбекистана, 1989–2017 гг.¹

Годы	1989	2000	2005	2009	2013	2017
Число русских, тыс. чел.	1653,5	1199,0	983,6	895,3	809,5	750
Доля русских, %	8,3	4,9	3,8	3,3	2,7	2,3

Максимальными в XXI в. были демографические потери первой половины 2000-х гг., когда Узбекистан ежегодно терял более 43 тыс. чел. русского

¹ Составлено по: Салиев А.С., Федорко В.Н. Русская культура в Республике Узбекистан: общественно-географический анализ // Феномен культуры в российской общественной географии. Ростов н/Д, 2014. С. 400; Федорко В.Н., Курбанов Ш.Б. Этногеографическое районирование Узбекистана // Известия географического общества Узбекистана. Т. 54. Ташкент, 2018. С. 42–53.

населения (почти 4 % от общей численности в это время). В дальнейшем абсолютные и относительные масштабы убыли сокращались (табл. 6.6).

Таблица 6.6. Динамика русских Узбекистана по отдельным периодам, конец XX – начало XXI в.

Период	Убыль, тыс. чел.	Среднегодовая убыль, тыс. чел.	Среднегодовая убыль от общего числа русских, %
1989–2000	454,6	41,3	2,9
2001–2005	215,4	43,1	3,95
2006–2009	88,3	22,1	2,35
2010–2013	85,8	21,4	2,51
2014–2017	59,5	14,9	1,92

Согласно официальным данным, численность русских сократилась в Узбекистане за 1989–2017 гг. в 2,2 раза. Напомним, что в соседнем Таджикистане уже первое постсоветское десятилетие завершилось почти полной дерусификацией республики. В пределах другой сопредельной страны – Киргизии – русских в постсоветский период стало меньше в 2,6 раза. Результаты постсоветских переписей в странах ближнего зарубежья нередко обнаруживали куда меньшие размеры русских общин, чем это оценивалось текущим этнодемографическим учетом. Реальные миграционные потери русского населения оказывались значительно больше фиксируемых государственными органами. Наиболее характерные примеры – Казахстан и Латвия, в которых официальная статистика «пропускала» 25–35 % демографической убыли русских общин. Есть основания полагать, что ситуация с Узбекистаном аналогична.

Убеждает в этом и анализ официальных данных о численности и доле русских в населении ряда городов Узбекистана. Согласно этим данным, в 2017 г. в Чирчике проживало 47,2 тыс. русских (27,4 % населения города), в Алмалыке – 28,2 тыс. (22,4 %), Самарканде – 30,9 тыс. чел. (5,9 %) (см. Приложение). Очевидно, что данные цифры существенно завышены и реальные количественные показатели местного русского населения значительно ниже.

Среди экспертов, не склонных доверять официальной статистике, фигурировали более скромные оценки современного демографического потенциала русской общины Узбекистана. По оценке А.Л. Арефьева, русских в Узбекистане к 2010 г. оставалось менее 700 тыс. чел.¹ Согласно Л.Л. Хоперской, русское население страны к этому времени составляло менее 500 тыс. чел.² Но если

¹ Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М., 2012. С. 121.

² Хоперская Л.Л. Российские соотечественники в Центральной Азии – демографический ресурс, отрезанный лопотой или хранители русского мира? // Этнопанорама. 2012. № 3–4. С. 2.

официальные цифры можно считать своего рода расчетным максимумом, то величина, обозначенная Л.Л. Хоперской, скорее представляет противоположный полюс – минимальную оценку. Реальный показатель, очевидно, располагался в заданном этими полюсами количественном диапазоне.

Как уже отмечалось, приблизительная численность русских Узбекистана в 2000 г. составляла 1–1,05 млн чел. Есть основания полагать, что темпы дерусификации страны в первом десятилетии XXI в. могли быть меньше, чем в Таджикистане или Туркменистане, но больше, чем в Киргизии, и тем более – в Казахстане. В двух последних государствах русских в данном десятилетии стало меньше соответственно на 31,4 и 14,1 %. Если определить демографические потери русской общины Узбекистана в 35–40 %, ее размеры в 2010 г. могли составлять около 600–650 тыс. чел.

Свою роль в демографической динамике русского населения страны в постсоветский период играло обрусение части представителей русскоязычных общин, а с другой стороны – потери, связанные с ассимиляцией самих русских узбеками. Напомним, что в Казахстане русские наряду с казахами в конце XX – начале XXI в. являлись двумя полюсами этнокультурного притяжения для значительной части остального населения страны. И если этнические общины среднеазиатских народов ассимилировались титульными казахами, то русскоязычные диаспоры тяготели к русскому демографическому множеству, компенсируя часть его естественной убыли и миграционных потерь.

Аналогичные процессы протекали и в постсоветской Средней Азии, однако с поправкой на существенно меньший социодемографический (а значит, и ассимиляционный) ресурс местных русских общин. По сути, только в Узбекистане и Киргизии русские были достаточно многочисленны, чтобы сколько-нибудь серьезно претендовать на роль центра этнокультурной консолидации некоренных для Средней Азии этнических групп населения.

Очевидно, что в 1990–2000-е гг. обрусение русскоязычных общин Узбекистана позволяло русской общине компенсировать часть ее демографических потерь. Но масштабы этого ассимиляционного пополнения были незначительными (в самом первом приближении они могли составлять порядка 20–30 тыс. чел.)¹.

¹ Даже столь скромная количественная оценка нуждается в дополнительной проверке. Согласно Л.П. Максаковой, за 1989–2002 гг. численность русских и украинцев в Узбекистане сократилась в равной степени – примерно на 60 %. (См.: Максакова Л.П. Узбекистан в системе международных миграций // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. М., 2009. С. 331). Если это соответствует действительности, масштабы обрусения республиканских украинцев в 1990-е гг. были минимальными.

Ко второму десятилетию XXI в. этот источник демографического роста был, по сути, исчерпан. Даже без точной информации о количественной динамике крупнейших русскоязычных общин страны не вызывает сомнения многократное сокращение их численности. Речь может идти о количественном сжатии на математический порядок. В любом случае суммарная численность украинцев, белорусов, немцев, евреев в Узбекистане, составлявшая в конце советского периода почти 290 тыс. чел., в настоящее время едва ли превышает 30–50 тыс. чел., что не оставляет надежд на сколько-нибудь значительное ассимиляционное пополнение русской общины страны¹.

В отличие от Казахстана, самыми незначительными оставались в Узбекистане и ассимиляционные потери русских, вследствие брачности с титульными узбеками. Количество русско-узбекских браков на всем протяжении постсоветского периода оставалось небольшим, как и масштабы их смешанного потомства.

Для русских современного Узбекистана характерны основные проблемы, свойственные русскому населению всех бывших южных республик СССР, связанные с нарушением гендерного баланса (ощутимым женским перевесом) и заметным повышением медианного возраста. В 2008 г. рождаемость русских в стране составляла 6,2 ‰, смертность – 12,8 ‰². Именно значительный средний возраст местного русского населения был причиной столь низкой рождаемости. Данная социодемографическая характеристика предопределяла и устойчивый характер естественной убыли, которая в 2000-е – начало 2010-х гг. устойчиво могла составлять 6–8 ‰, а в самые последние годы снова должна была пойти в рост. С учетом миграционного оттока ежегодная демографическая убыль русской общины могла составлять около 1,8–2 % от общей ее численности (т.е. соответствовать динамике русского населения Киргизии).

Сказанное означает, что за 2010–2018 гг. численность русских в Узбекистане сократилась на 13,5–16 % и в начале 2019 г. могла составлять порядка 500–550 тыс. чел. (рис. 6.7). Средний возраст этого населения с большой вероятностью заметно превышает 40-летний рубеж (скорее всего, он приближается к 45 годам). Можно также предположить, что женская часть общины достигала 57–60 % от ее численности. Иными сло-

¹ Несколько более многочисленны татары, численность которых, по официальным данным, в 2017 г. составляла 195 тыс. чел. Являясь в значительной степени русскоязычной, данная община демонстрировала существенно меньшие масштабы этнического обрусения, чем восточные славяне или немцы.

² Салиев А.С., Федорко В.Н. Русская культура в Республике Узбекистан ...

вами, на 100 русских мужчин в Узбекистане в настоящее время приходится 130–150 женщин.

География этого населения сохранила основные черты системы расселения советского периода, в которой центральное место принадлежало республиканской столице. На Ташкент в конце 1989 г. приходилось более 42 % русских Узбекистана. В постсоветские десятилетия доля русского населения, сконцентрированного в столице страны, должна была возрасти за счет притока из сельской местности и других городских центров.

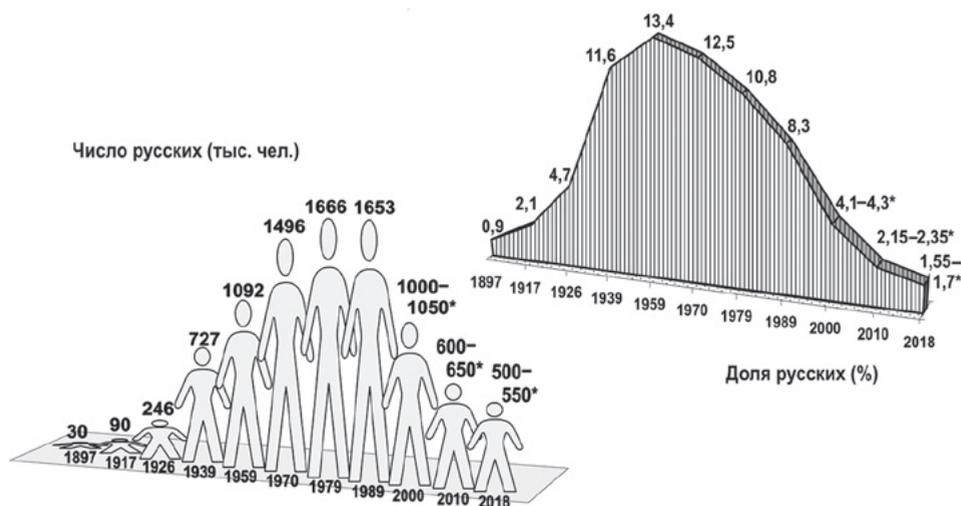

Рис. 6.7. Динамика русских в территориальных пределах современного Узбекистана, 1897–2018 гг. (* – оценка автора)¹

Согласно циркулирующим в информационном поле оценкам, численность русских в Ташкенте во второй половине 2000-х гг. могла составлять порядка 450 тыс. чел. (в справке, характеризующей национальную структуру населения города, помещенной на официальном сайте хокимията г. Ташкента, было указано, что доля русских составляет 20 % от числа горожан).

К 2013 г., по данным Госкомстата Узбекистана, собранным В.Н. Федорко и А.С. Салиевым, эта цифра сократилась до 16,2 %, а в 2014 г. составила 14,2 %. На Ташкент приходилось 46 % всех русских страны (345 из 750 тыс. чел.). Даже принимая во внимание количественные размеры русской общины страны (с большой вероятностью, завышенные официальной статистикой), мож-

¹ Составлено (рис. 6.7–6.14) по: Кабузан В.М. Русские в мире. С. 279; Демоскоп Weekly (приложение). URL: Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org>

но предположить, что оценка столичного русского населения была близка к действительности. Численность русских в Ташкенте во второй половине 2010-х гг. могла составлять порядка 300–350 тыс. чел. (рис. 6.8).

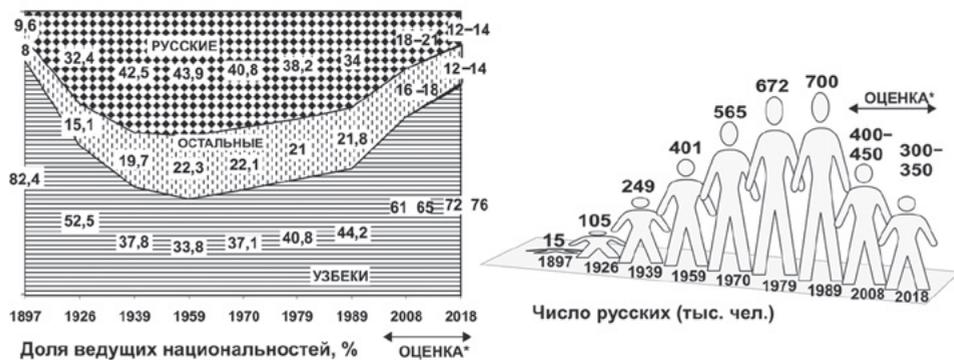

Рис. 6.8. Динамика русского населения Ташкента, 1897–2018 гг. (* – оценка автора)

Итак, на столицу в настоящее время приходится уже больше половины русского населения Узбекистана. Процесс концентрации русских в столичном регионе имеет устойчивый характер. А в пределах других территорий страны русские почти в максимальной степени сосредоточены в городах, прежде всего в областных центрах, на которые в большинстве регионов Узбекистана приходится 60–70 % местного русского населения (табл. 6.7)¹.

Таблица 6.7. Динамика русского населения по регионам Узбекистана, 1989–2017 гг.²

Регионы	Число русских, тыс. чел.		Доля русских в населении, %				Доля русских, проживающих в областном центре, %
	1989	2017	1989	2005	2013	2017	
1	2	3	4	5	6	7	8
Андижанская обл.	44,7	19,0	2,6	0,9	0,7	0,6	61,4
Бухарская обл.	133,2	26,2	8,2	2,0	1,6	1,4	59,6 (84,8)*
Навоийская обл.	–	17,6	–	4,5	2,5	1,9	58,4 (83,4)
Джизакская обл.	34,0	15,1	4,4	1,7	1,3	1,2	53,0

¹ Следует учитывать, что помещенные в таблице цифры за 2017 г. являются данными текущего демографического учета, дающего для всей страны величину 750 тыс. чел. Реальный размер русской общины страны может составлять 500–550 тыс. чел. Соответственно заметно меньше оказывается численность русского населения и по отдельным регионам страны. Процент завышения может варьировать для них в достаточно широком диапазоне.

² Составлено по: Салиев А.С., Федорко В.Н. Русская культура в Республике Узбекистан ... С. 400; Федорко В.Н., Курбанов Ш.Б. Этногеографическое районирование ... С. 42–53.

1	2	3	4	5	6	7	8
Кашкадарьинская обл.	37,6	20,7	2,36	1,0	0,7	0,7	76,8
Наманганская обл.	27,2	11,9	1,85	0,7	0,5	0,4	79,6
Самаркандская обл.	113,5	48,4	5,0	2,2	1,5	1,3	63,8
Сурхандарьинская обл.	37,8	21,6	3,0	1,3	1,0	0,9	64,2
Сырдарьинская обл.	88,4	23,3	6,8	4,4	3,3	2,9	28,9 (40,3)
Ташкентская обл.	313,9	141,8	14,6	7,4	5,6	5,0	70,8 (79,5)
Ферганская обл.	123,8	42,8	5,8	2,0	1,4	1,2	16,4 (28,0)
Хорезмская обл.	12,2	6,0	1,2	0,5	0,4	0,3	21,4
Ташкент	701,3	345,1	34,0	21,6	16,2	14,2	
Каракалпакия	19,8	10,5	1,64	0,8	0,6	0,6	58,8

Примечание: * – с учетом второго городского центра данного региона.

Киргизия

Русское население страны за 1999–2009 гг. сократилось почти на треть (с 603 до 408 тыс. чел.). Естественная убыль русских в первом десятилетии XXI в. могла составить порядка 5–6 % от общей их численности в республике, т.е. не превышала 25–30 тыс. человек. Таким образом, как и в 1990-е гг., демографические потери были в самой значительной степени связаны с миграционным оттоком. И по-прежнему наиболее быстрым темпом шло сокращение русских «провинциальных» горожан. Если русское население столичного Бишкека за 1999–2009 гг. сократилось на 24 %, сельских районов республики – на 30 %, то остальных городов – на 42 %. В итоге доля русских Киргизии, проживающих в столице, выросла с 42 % до 47 %.

Активный миграционный отток «вымывал» в первую очередь молодежь. И средний возраст русских поднялся до 41 года. Еще опасней для демографического воспроизводства русского населения страны был нарастающий гендерный дисбаланс. В конце нулевых в Киргизии на 100 русских мужчин приходилось уже 127 женщин (среди горожан данный показатель поднимался до 135). Тем самым всё отчетливее обнаруживались две основные социодемографические характеристики процесса демографического угасания территориальной этнической группы (постепенное «старение» ее представителей и непропорционально большой удельный вес в ее составе женщин старших возрастов).

Впрочем, сравнительно мягкая степень выраженности деграционных признаков указывала на начальные стадии данного процесса. Средний возраст русских Киргизии лишь на три года превосходил показатель русского населения России. Сходный уровень репродуктивной активности

демонстрировали и русские женщины детородного возраста (20–39 лет) обеих стран – соответственно 1,5 и 1,63 ребенка.

Итак, быстрые темпы дерусификации определялись не столько внутренними факторами, сколько внешними – миграционными потерями. Это и было подтверждено демографической динамикой русских страны во втором десятилетии XXI в. За период 2010–2018 гг. их число сократилось на 12,5 % (с 408 до 357 тыс. человек) (рис. 6.9). Темпы депопуляции, оставшись весьма значительными, заметно снизились (если в 2000-е гг. русская община в среднем за год теряла 3,44 % своей численности, то в 2010-е гг. уже 1,78 %). Центральную роль в этом сыграло сокращение масштабов оттока. Хотя на него по-прежнему приходилось порядка $\frac{4}{5}$ (40 из 50 тыс.) демографической убыли русского населения страны в текущем десятилетии.

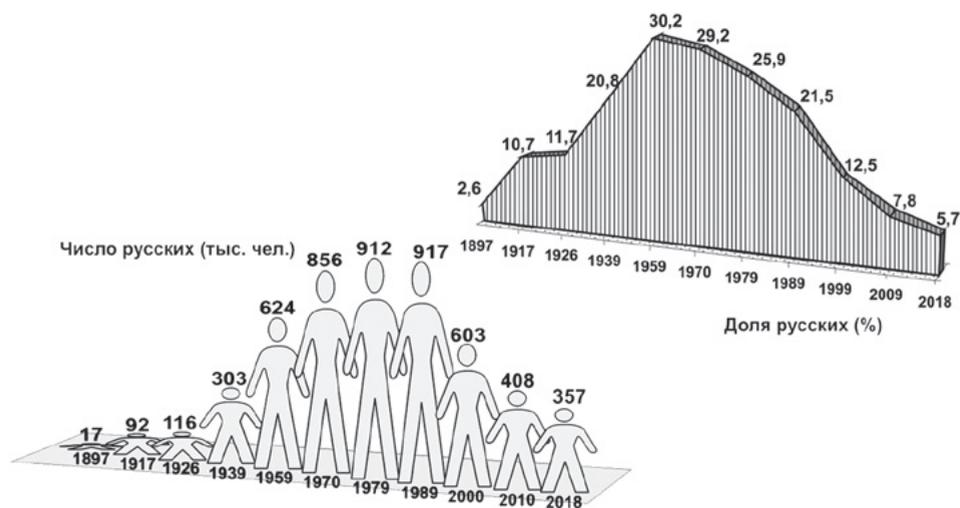

Рис. 6.9. Динамика русских в территориальных пределах современной Киргизии, 1897–2018 гг.

Положительные сдвиги не отменили, однако, общего негативного тренда – устойчивого и повсеместного сокращения русского этнокультурного присутствия в стране. Доля русских в населении Киргизии за 2010–2017 гг. сократилась с 7,8 % до 5,8 %; в столице страны – с 23,2 % до 17,2 %. Несколько выровнялись темпы демографических потерь русских в пространственном отношении. Хотя по-прежнему минимальные скорости убыли отличали общину Бишкека и русское сельское население «столичной» Чуйской области (табл. 6.8), на которые в 2010 г. приходилось в сумме 85,5 % русских страны (359 тыс. чел.)¹.

¹ К 2018 г. их число сократилось до 307 тыс., но удельный вес еще более вырос (87 %).

Таблица 6.8. Убыль русского населения ведущих городских центров и областей Киргизии (%)

Центры, территории	1989–2009 гг.	2009–2017 гг.
Бишкек	–44,5	–12,3
Ош	–90,8	–30,3
Ошская		–21,8
Баткенская		–29,5
Иссык-Кульская		–18,9
Нарынская		–35,0
Джалал-Абадская	–48,7	–25,7
Талаская		–22,3
Чуйская		–15,5
Вся Киргизия	–54,2	–15,0

Русское население продолжало постепенно стягиваться в столицу страны и ее окрестности. Вторым территориальным средоточием русских являлась территория самой восточной Иссык-Кульской области с центром в Караколе (бывший Пржевальск). В каждой из остальных пяти областей Киргизии русских оставалось по несколько тысяч человек, в т.ч. в Ошской области, русская община которой еще в конце советского периода составляла 126 тыс. человек. В 2018 г. в ее территориальных пределах¹ проживало чуть более 8 тыс. русских (рис. 6.10).

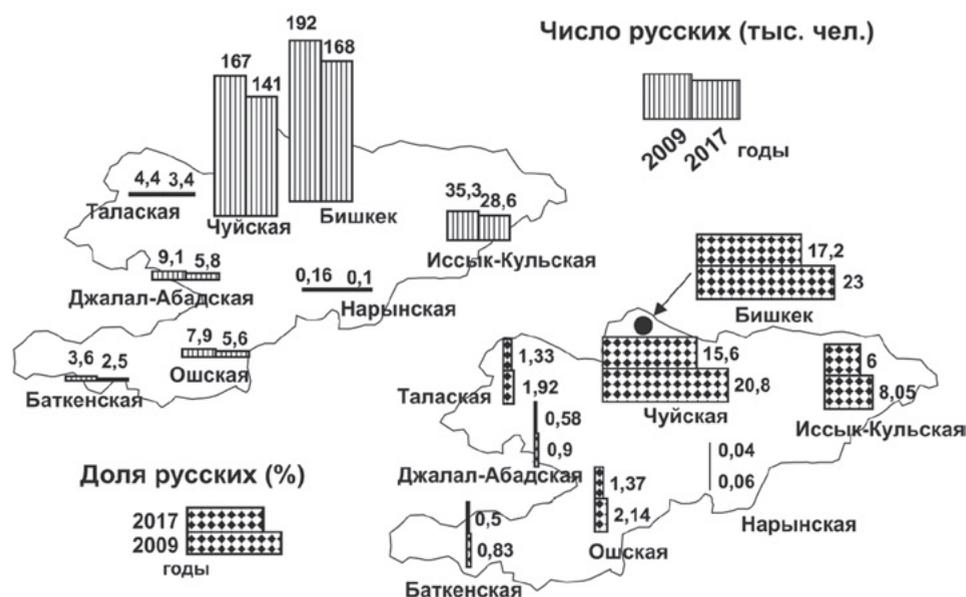

Рис. 6.10. Динамика русского населения Киргизии, 2009–2017 гг.

¹ В постсоветский период она была разделена на две области – Ошскую и Баткенскую.

При этом значительная часть русских сосредоточена в региональных столицах, а сельская местность уже практически дерусифицирована (русские составляют десятые/сотые доли процента). В той же Ошской области без учета регионального центра удельный вес русских в населении в настоящее время составляет лишь 0,09 %.

Нет информации относительной гендерной структуры современной русской общины страны и среднего возраста ее представителей. Но социодемографические диспропорции, связанные с угасанием этнокультурной группы, с течением времени, как правило, только усиливаются. За 2010-е гг. средний возраст русских должен был подрасти на 2–3 года (если не больше) и к концу десятилетия составлять 43–44 года. При этом удельный вес женщин в структуре общины мог подняться с 56 % до 58–59 % (тем самым в Киргизии на 100 русских мужчин в настоящее время может приходиться 138–144 женщины).

Вместе с тем у русских в стране вплоть до начала – середины 2010-х гг. сохранялся известный источник демографического пополнения за счет ассимиляции представителей русскоязычных общин. Постсоветская демографическая динамика украинской и белорусской общин Киргизии указывает на реальную возможность их частичного обрусения. За 1989–2019 гг. численность украинцев и белорусов в стране уменьшилась на математический порядок, тогда как русских стало меньше только в 2,5 раза. Причем опережающий характер демографического сжатия двух восточнославянских общин в сравнении с русской наблюдался на всем протяжении постсоветского периода, в каждом из его десятилетий. Едва ли фиксируемая разница в темпах депопуляции была связана с повышенной миграционной активностью украинцев и белорусов.

Принимая во внимание высокий уровень культурно-языкового обрусения данного населения и самые значительные масштабы межнациональной брачности, до половины демографических потерь данных двух диаспор Киргизии в последние 30 лет могли быть связаны именно с обрусением – переменной национальной самоидентификации части взрослого населения и самоопределением в качестве русских значительной части потомства смешанных восточнославянских семей. Напомним, что в условиях иноэтнической среды с высоким уровнем специфики местного населения восточные славяне на протяжении всей второй половины XX в. являлись основными брачными партнерами друг для друга, причем в первую очередь таковыми для других выступали русские в силу своей значительно большей численности (табл. 6.9).

Заметим, что немецкая община страны, количественная динамика которой в постсоветский период также протекала по сценарию демографического коллапса (сокращение за 1989–2018 гг. в 12 раз), могла быть охвачена

обрусением в значительно меньшей степени. На это, в частности, указывает динамика демографической убыли по отдельным десятилетиям. За 1990-е гг. численность немцев в Киргизии сократилась в пять раз. Определяющую роль в столь стремительном сжатии играла миграция на историческую родину. И потому процесс обрусения в качестве весомой причины депопуляции общины мог подключиться только в начале XXI в., распространяясь среди оставшихся представителей диаспоры, в своем большинстве уже русскоязычных и в заметной части состоявших в межнациональных браках (в которых опять-таки основными брачными партнерами являлись русские). Но малочисленность общины уже не могла обеспечить сколько-нибудь ощутимого ассимиляционного пополнения русского населения страны.

Таблица 6.9. Доля супругов другой национальности у русских и украинцев Киргизии, вступивших в брак в 1979 г. и 1989 г. (%)¹

Показатели	Русские		Украинцы	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1979 г.				
Вся республика	17,7	18,8	71,0	71,1
Город	15,8	16,9	74,5	77,2
Село	22,3	23,2	67,2	62,6
1989 г.				
Вся республика	19,4	23,0	85,6	84,8
Город	17,7	20,9	86,7	77,2
Село	23,6	28,2	81,3	80,7

Во втором десятилетии XXI в. темпы демографической убыли немцев и русских и вовсе сравнялись. При этом средний возраст представителей немецкой диаспоры был ниже, чем у местных русских, а гендерная структура была более сбалансированной, что указывало на весьма высокий уровень естественно-демографической жизнеспособности диаспоры. Сказанное в полной мере относится и к еще одной крупной русскоязычной общине Киргизии – татарам, темпы депопуляции которых полностью совпадали с показателем русского населения страны.

Итак, ассимиляционный ресурс своего пополнения, имевшийся у русской общины страны, был использован в первые два десятилетия постсоветского периода, позволив компенсировать небольшую часть ее демографических потерь (масштабы ассимиляции едва ли за 1990–2000-е гг. составили более 25–30 тыс. чел.). К настоящему времени данный ресурс использован практически полностью. Основной «донор» – украинская диаспора – сократилась

¹ Рассчитано по: Население СССР. М., 1989. С. 296–300.

до 11 тыс. чел. и продолжает стремительно таять (ежегодные потери на уровне 5–7 % от общей численности).

Однако, как уже отмечалось, собственного потенциала у русской общины страны при любом демографическом сценарии хватит на многие десятилетия, и перспективы русского этнического пребывания в Киргизии уходят далеко за горизонт даже долгосрочного прогноза, ограниченного серединой XXI века.

Таджикистан

Подобного вывода, к сожалению, нельзя сделать о соседнем Таджикистане, самой дерусифицированной стране региона, количественная динамика русской общины которого уже в начале века, очевидно, демонстрировала заключительные стадии демографического заката. За 2000–2010 гг. численность русских в республике сократилась вдвое. При этом в сельской местности их стало меньше почти в три раза. К концу 2000-х гг. в Таджикистане оставалось только 2,3 тыс. русских поселян – около 0,04 % местного населения. Столь незначительные величины позволяют говорить о том, что в настоящее время (конец 2010-х гг.) русских в сельской местности страны практически не осталось. Речь может идти о нескольких сотнях человек (преимущественно о пожилых женщинах).

Столичная община, в 1990-е гг. убывавшая быстрее, чем остальное русское городское население, в 2000-е гг. вновь проявила большую устойчивость, потеряв «только» треть своих представителей (рис. 6.11).

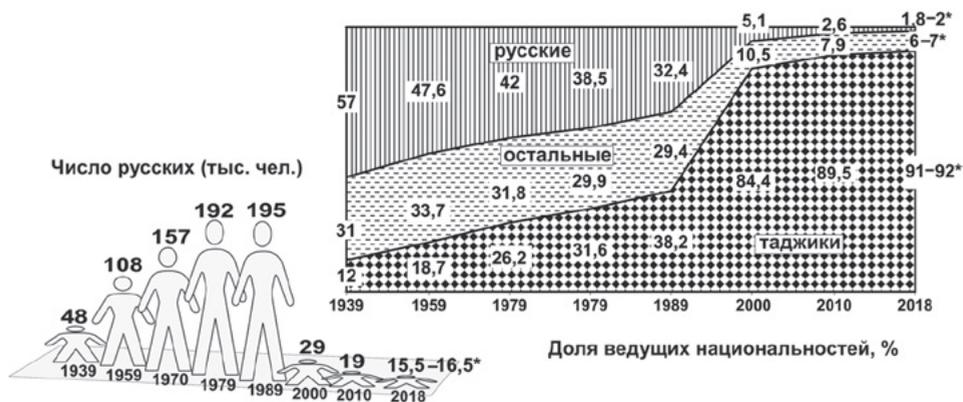

Рис. 6.11. Динамика русского населения Душанбе, 1939–2018 гг.

(* – оценка автора)

Впрочем, для этнической географии Таджикистана особенности расселения его русской общины большого значения уже не имели. Даже в Душанбе

доля русских в населении составляла в 2010 г. только 2,63 % (притом что за 20 лет до того приближалась к трети). В других городах этот показатель составляет 0,8–1,5 %, в сельской местности 0,03–0,07 % (табл. 6.10).

Таблица 6.10. Территориальная динамика русского населения Таджикистана, 1989–2010 гг.¹

Территории, города	1989 год			2010 год		
	всего	город	село	всего	город	село
Душанбе	194,6	194,6		19,06	19,06	0
Горно-Бадахшанская обл.	3,19	0,64	2,55	0,08	0,025	0,056
Согдийская обл.*	100,5	97,2	3,4	8,89	8,39	0,5
Хатлонская обл.**	8,12	5,16	2,96	3,96	3,21	0,75
районы республ. подчинения	81,9	67,2	14,7	2,85	1,88	0,97
Весь Таджикистан	388,5	364,8	23,7	34,84	32,56	2,28
<i>Доля русских в населении, %</i>						
Душанбе	32,8	32,8		2,63	2,63	
Горно-Бадахшанская обл.	2	3,18	1,82	0,04	0,09	0,03
Согдийская обл.**	6,47	18,6	3,28	0,4	1,51	0,03
Хатлонская обл.**	1,33	3,3	0,64	0,15	0,69	0,03
районы республ. подчинения	3,8	18,5	0,82	0,17	0,81	0,07
Весь Таджикистан	7,6	22	0,69	0,46	1,62	0,04

Примечание: * – бывшая Ленинадская; ** – бывшая Кулябская.

В 2000-е гг. среднегодовой уровень депопуляции русской общины Таджикистана существенно сократился, но все еще составлял порядка 5 % в год от ее общего размера. Если предположить, что в текущем десятилетии он снизился еще вдвое и, как в соседней Киргизии, составил около 2,5 %, численность русских в стране к началу 2019 г. могла бы составлять около 27–28 тыс. человек – 0,3 % населения Таджикистана (рис. 6.12).

Если при этом предположить, что доля русских, сосредоточенных в столице, за прошедшие после последней переписи 8 лет выросла с 55 до 60 %, в Душанбе в настоящее время может проживать порядка 15,5–16,5 тыс.

¹ Составлено по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=77; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org>

русских (2 % населения). Еще около 10 тыс. расселены в других городах страны, несколько сотен человек, как уже отмечалось, может оставаться в сельской местности. Однако темпы демографического сжатия русской общины страны могли быть и выше, учитывая, что речь идет об одной из заключительных стадий ее существования.

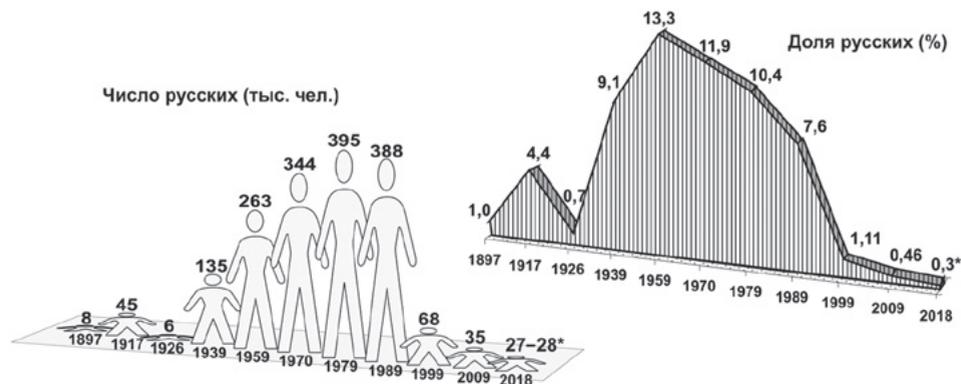

Рис. 6.12. Динамика русских в территориальных пределах современного Таджикистана, 1897–2018 гг. (* – оценка автора)

Туркменистан

В 2012 г. в Туркменистане была проведена перепись населения. Однако ее результаты так и не были обнародованы. И все циркулирующие в информационном поле цифры являются не более чем приблизительными экспертными «прикидками».

Очевидно, что число русских в республике на протяжении первого десятилетия XXI в. продолжало быстро сокращаться. А ликвидация в 2008 г. возможности иметь двойное российско-туркменское гражданство поставило их перед предельно сложным выбором: либо отказ от российского гражданства, по сути закрывающий для них путь возвращения на историческую родину, либо отказ от туркменского гражданства, превращающий их в иностранцев и до предела усложняющий им и без того сложную жизнь в одной из самых архаичных стран региона. Жесткая необходимость гражданского самоопределения должна была вызвать новую активизацию эмиграции русских республики. С учетом естественной убыли значительное сокращение местного русского массива являлось неизбежностью.

Не без основания можно предположить, что удельные потери русской общины Туркменистана в первом десятилетии XXI в. были едва ли не самыми значительными среди государств региона или, по крайней мере, оказались сопоставимыми с темпами сжатия общины Таджикистана (двукратная убыль).

Если исходить из рассчитанного для 2000 г. размера русской общины страны в пределах 190–200 тыс. чел., то в конце нулевых речь должна идти о цифре порядка 90–100 тыс., что несколько меньше оценки А.Л. Арефьева, согласно которому к середине 2012 г. в Туркменистане оставалось порядка 120 тыс. русских¹.

По мнению данного исследователя, более половины (до 60 %) местных русских проживало в это время в Ашхабаде. Учитывая, что еще в советский период уровень урбанизации русских Туркменистана был максимальным, составляя 97 % в конце 1980-х гг., есть основания полагать, что сельская местность республики была практически полностью оставлена русским населением уже в первые два постсоветских десятилетия (тем более что речь шла о демографической группе размером всего в 10 тыс. человек). Таким образом, расселенческая оценка Арефьева представляется вполне реалистичной. Практически все русское население Туркменистана к началу второго десятилетия XXI в. было сосредоточено в городах. При этом более половины русских приходилось на их столичную общину (рис. 6.13).

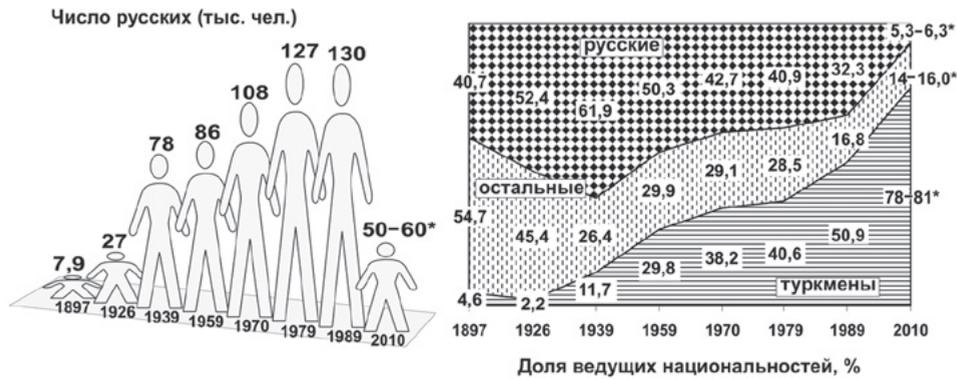

Рис. 6.13. Динамика русского населения Ашхабада, 1897–2010 гг.

(* – оценка автора)

Эта система расселения русских в значительной степени напоминает ту, что сложилась в Таджикистане. И в целом неизменно сопоставимые размеры русского массива двух бывших союзных республик – Туркмении и Таджикистана, фиксируемые по переписям 1939–1989 гг., очевидно, сохранялись и в постсоветский период, когда именно эти два среднеазиатских государства продемонстрировали максимальные темпы дерусификации.

¹ Арефьев А.Л. Русский язык ... С. 147.

В начале 2015 г. в информационном поле оказалось несколько цифр из «закрытой» переписи 2012 г., согласно которым русские на момент ее проведения составляли 5,1 % жителей страны при численности ее населения в 4,75 млн человек. По этой информации русских в Туркменистане в начале текущего десятилетия было около 242 тыс. человек.

Но журналистами было замечено, что «представители официальной туркменской делегации на заседании Комитета ООН по правам ребенка в середине января в Женеве озвучили несколько другие данные по национальному составу. В частности, они заявили, что узбеков в Туркменистане проживает чуть меньше 9 % от общего числа населения, русских – 2,2 %»¹. Данная достаточно скромная цифра, позволяющая оценить численность русских в 104–105 тыс. чел., представляется куда более приближенной к действительности. Хотя, возможно, несколько преувеличенной является и она.

Как и в других странах региона, темпы депопуляции русских в Туркменистане в текущем десятилетии могли несколько сократиться. Если количественная корреляция их демографической динамики с таджикской общиной сохранялась, то потери за 2010–2018 гг. могли составлять порядка 16–20 % от общей численности. В этом случае к началу 2019 г. русское население страны составляло порядка 60–70 тыс. чел., из которых 45–50 тыс. могло проживать в Ашхабаде, а значительная часть остальных русских приходилась на областные центры.

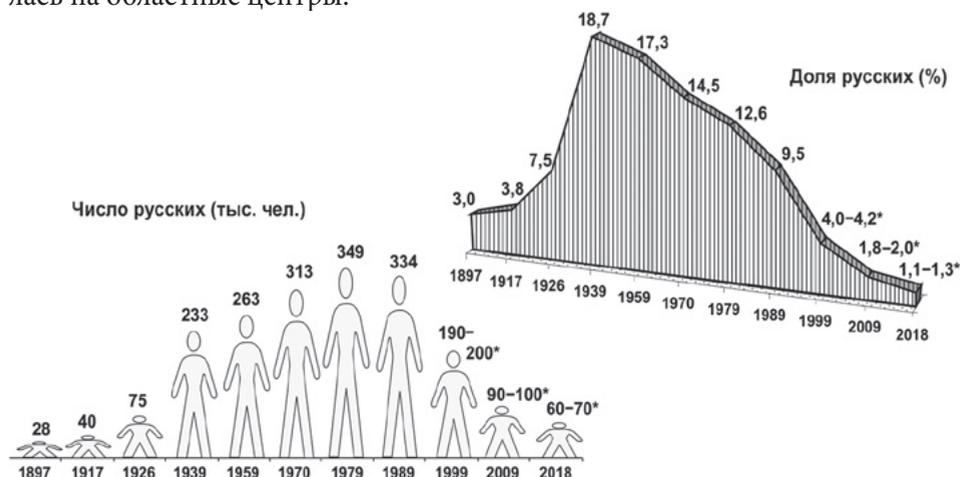

Рис. 6.14. Динамика русских в территориальных пределах современного Туркменистана, 1897–2018 гг.

¹ Результаты переписи населения в Туркменистане. URL: <https://www.hronikatm.com/2015/02/rezultatyi-perepisi-naseleniya-v-turkmenistane/>

Итак, анализ демографической динамики русских общин всех стран региона обнаруживает высокую устойчивость сложившегося на рубеже 1980–1990-х гг. тренда, основными чертами которого являются повсеместность и неуклонный характер количественного сжатия русского населения. Если в 2000 г. численность русских в Средней Азии составляла 1,86–1,92 млн чел., то в 2010 г. – 1,24–1,27 млн, а к настоящему времени опустилась до 1,07–1,11 млн чел. (рис. 6.15). Таким образом, за 29 лет, прошедших после последней советской переписи, русских в регионе стало меньше в три раза.

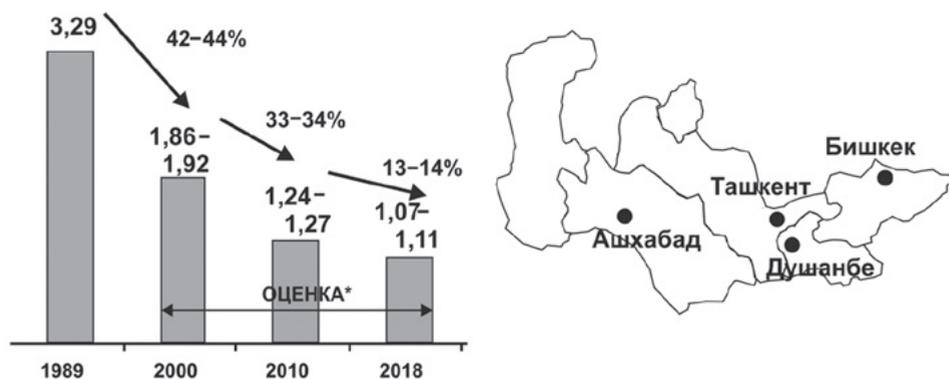

Рис. 6.15. Динамика численности русского населения Средней Азии, 1989–2018 гг. (млн чел.; * – оценка автора)

Конечно, темпы депопуляции постепенно снижались. Если в 1990-е гг. в среднегодовом исчислении они составляли 4,2–4,4 %, то в 2000-е гг. 3,3–3,4 %, а в текущем десятилетии только 1,6–1,7 %. Но сама устойчивость демографического сжатия не оставляет надежд на кардинальное изменение данной тенденции.

Помимо неуклонного сокращения русского населения в регионе происходила его территориальная перецентрировка. Сельские территории и небольшие центры русского население оставляло в первую очередь. При чем данная расселенческая подвижка в целом уложилась в 1990-е годы. Уже к рубежу веков русские Средней Азии (за исключением Киргизии) оказались максимально урбанизированным национальным сообществом. Начало XXI в. сохранило тенденцию нарастающей концентрации русского населения в столичных центрах. В настоящее время порядка 55–60 % русских Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана может проживать в столицах

своих стран, а в Киргизии данный показатель приближается к 50 %. Иными словами, более половины всего русского населения региона в настоящее время – это жители четырех городов.

6.4

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКИХ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Уже в среднесрочной перспективе следует ожидать почти окончательную дерусификацию **Таджикистана**, в котором отток может дополняться достаточно интенсивной естественной убылью возрастного русского населения. Даже если русская община страны будет терять каждое следующее десятилетие 20–30 % своей численности (что можно считать оптимистическим сценарием), к 2030 г. ее размеры сократятся до 17–20 тыс., а к середине века составят 8–12 тыс. человек. При негативно-умеренном демографическом сценарии (40–50 % убыли за десятилетие) русских в стране к 2050 г. останется 5–7 тыс., из которых половину могут составлять люди старше 60 лет (рис. 6.16). Самая значительная часть этого остаточного русского населения будет уже сосредоточена в самом Душанбе.

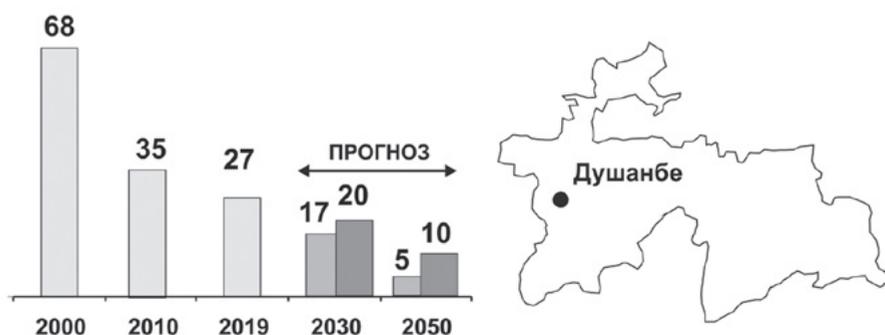

Рис. 6.16. Динамика численности русских Таджикистана, 2000–2050 гг. (тыс. чел.)¹

¹ В рисунках 6.16–6.19 для 2030–2050 гг. дан авторский расчет диапазона наиболее вероятных сценариев динамики.

По аналогичному сценарию, очевидно, будет протекать и демографическая динамика русской общины **Туркменистана** – устойчивая депопуляция, связанная как с миграционным оттоком, так и с естественной убылью; нарастающее ее старение и концентрация в столице страны, способная со временем ограничить географию общины одним столичным центром.

Но хотя самая значительная часть «дерусификационного» маршрута республикой уже проделана, окончательное демографическое угасание русской диаспоры может растянуться на многие десятки лет. При депопуляционном темпе в 20–30 % за десятилетие (наиболее вероятный алгоритм демографического сжатия) к 2030 г. в Туркменистане может оставаться 45–60 тыс. русских, а к середине века – порядка 25–40 тыс. (рис. 6.17). Но нельзя полностью исключить и сценария более быстрого сжатия (30–40 % убыли за десятилетие). В этом случае русская община страны к 2050 г. сократится до 15–27 тыс. чел.

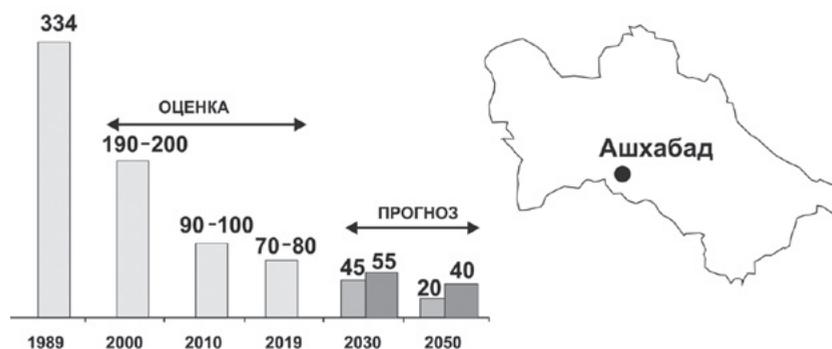

Рис. 6.17. Динамика численности русских Туркменистана, 1989–2050 гг. (тыс. чел.)

Динамика русского населения, фиксируемая текущим демографическим учетом Государственного статистического комитета **Киргизии**, в 2010-е гг. обнаруживала достаточно устойчивое сокращение масштабов ежегодной убыли. Если в начале текущего десятилетия русская община республики теряла за год более 13 тыс. человек, то в 2016–2017 гг. убыль сократилась до 4 тысяч (примерно 1,1 % от общей численности русских). Естественные потери русского населения составляли 4–5 ‰, а на миграцию в последние годы приходится немногим больше половины общей депопуляции общины (напомним, что еще в 2000-е гг. доля оттока в демографической убыли составляла порядка 85–87 %). Одна из основных причин заключалась в социально-экономических проблемах России в середине – второй половине 2010-х гг., позволившая в несколько раз сократить масштабы миграции русских из Киргизии.

Таким образом, дальнейшая динамика русского населения страны будет зависеть от того, насколько устойчивым окажется данное изменение миграционной активности. При оптимистическом сценарии, предполагающем если не дальнейшую минимизацию оттока, то хотя бы сохранение его на уровне последних лет, демографические потери русских за 2019–2030 гг. могут составить 12–14 %. И размер общины сократится до 307–314 тыс. человек.

В дальнейшем естественные потери русского населения, учитывая его растущий средний возраст и гендерный дисбаланс, могут достичь ежегодных 9–10 ‰ в 2030-е и 11–12 ‰ в 2040-е годы. Практически неизбежным будет и сохранение некоторого оттока. Если его масштабы будут ограничены 0,3–0,5 % в год, общая депопуляция общины может составить в данные два десятилетия соответственно 12–15 % и 14–17 % от ее размера. И к 2050 г. численность русских может составить в Киргизии 230–240 тыс. человек (рис. 6.18).

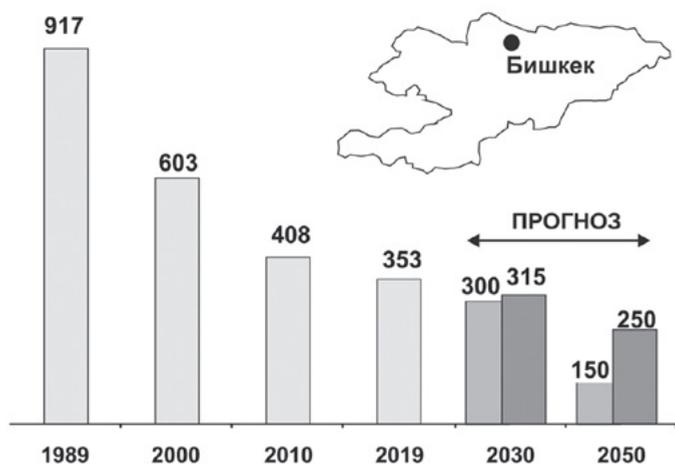

Рис. 6.18. Динамика численности русских Киргизии, 1989–2050 гг. (тыс. чел.)

Но подобный демографический сценарий можно считать оптимистическим для республики. Главной особенностью негативного варианта можно считать возобновление масштабного оттока, способного в разы увеличить интенсивность депопуляции русской общины, вернув этот показатель на уровень конца XX – начала XXI в. (сокращение на 30–40 % каждое десятилетие). «Пролонгация» подобного варианта демографической динамики на три ближайших десятилетия в состоянии сократить размеры русского населения в стране к середине века до 80–120 тыс. человек. Таким образом,

диапазон возможных вариантов количественной динамики весьма широк, как и у русской общины **Узбекистана**, все еще самой крупной в регионе. Но описанный выше оптимистический сценарий для нее представляется менее вероятным. Слишком велика социокультурная специфика страны и менее пророссийским является ее внешнеполитический курс. Будет работать на ускоренное демографическое сжатие и более возрастная структура местных русских, уже в настоящее время задающая высокий уровень естественной убыли, который может составлять 9–10 %, а в близком будущем способен прибавить еще несколько промилле. Только естественные потери в 2020-е гг. могут составлять 1–1,5 % в год (10–15 % за десятилетие), чтобы еще более вырасти в 2030–2040-е гг.

В таких условиях масштабы депопуляции русской общины в 20–30 % за каждое следующее десятилетие представляются едва ли не минимальными из реально возможных сценариев ее количественной динамики. Но и этот «умеренный» сценарий способен сократить численность русских Узбекистана к 2030 г. до 300–400 тыс. чел., а к 2050 г. – до 150–250 тыс. (рис. 6.19). При негативном сценарии (35–40 % депопуляции общины в каждое десятилетие) русских в стране в середине века может остаться порядка 100–140 тысяч.

В целом, можно с большой уверенностью предположить, что демографический потенциал русских общин Киргизии и Узбекистана с течением времени будет постепенно сближаться из-за более ускоренных темпов сжатия русского населения второй из стран. И к 2050 г. общины уже будут иметь сопоставимые размеры.

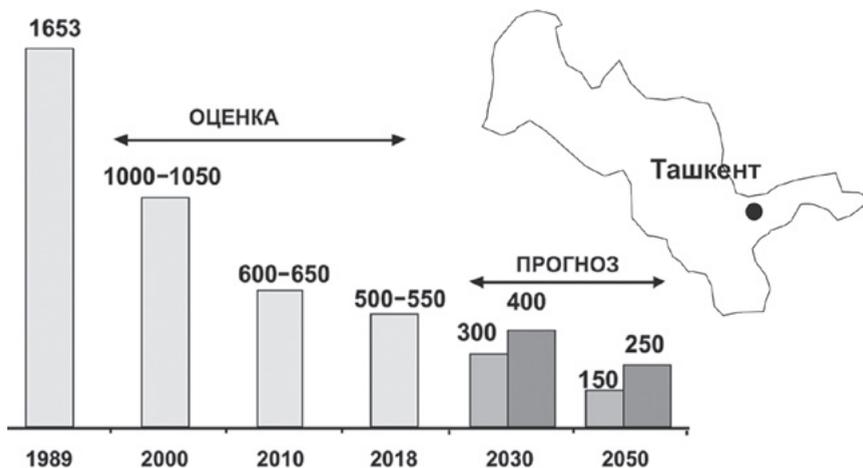

Рис. 6.19. Динамика численности русских Узбекистана, 1989–2050 гг. (тыс. чел.)

Итак, география расселения русских Средней Азии из территориальной формы, характерной для советского периода, уже в 1990-е гг. превратилась в ареальную, а в последующем все более отчетливо эволюционировала в анклавную, в которой центральное место принадлежало столичным центрам макрорегиона. В 2010-е гг. основными средоточиями русских в макрорегионе являлись Ташкент и Бишкек, в меньшей степени – Ашхабад, и еще в меньшей – Душанбе. Но уже в среднесрочной перспективе в качестве эпицентров русской системы расселения останутся только два первых города, в которых к 2030–2035 гг. может концентрироваться до половины всех русских Средней Азии.

К концу второго десятилетия XXI в. в двух из четырех стран макрорегиона (Узбекистане и Киргизии) еще сохраняются достаточно обширные множества русского населения. Следовательно, остается и определенная вариативность возможных сценариев их демографической динамики. Но при любом из этих вариантов речь может идти о более или менее затяжном финале масштабного этнокультурного проекта, начатого геополитическими успехами Российской империи в последней трети XIX века.

К середине XXI в. русских в Средней Азии может оставаться от 200–300 тыс. до 450–550 тыс. – в несколько раз больше, чем их было по первой всеобщей переписи Российской империи 1897 г. (83 тыс. человек). Но «великовозрастная» структура этого множества (средний возраст русского населения к 2050 г. может подняться до 50–55 лет) и его демографо-воспроизводственные характеристики (существенный перевес смертности над рождаемостью) сделают весьма проблематичной возможность сохранения данного старожильческого населения до следующего векового рубежа.